

7я

2. 2011

семья и школа

Что такое лень

страница

10

Небесный мастер

страница

26

Трубка Мераба

страница

30

Бисерный зайчик

страница

42

Готовим для детей

страница

44

журнал для родителей

Фото Владимира Воронова

Журнал
для родителей
Основан
в 1871 году
Возобновлён
в 1946 году

На обложке:
фото Владимира Воронова

В номере:

Советы и рекомендации

Елена Никитина
**Советы бывалых:
перед применением — думать**

8

Иной раз безоглядно доверяться профессионалам небезопасно...

Пётр Каптерев
**Что такое лень
и как с ней бороться**

10

На этот животрепещущий вопрос отвечает тонкий психолог, крупнейший русский педагог П. Ф. Каптерев. Его взгляды актуальны и нужны современным воспитателям и учителям

Николь Приер
Расти вместе со своими детьми

18

Французский психолог Николь Приер исходит из того, что во многих случаях проблемы ребенка коренятся в характере, стиле жизни или взаимоотношениях взрослых

Повод к размышлению

**Читать Солженицына в школе
никогда не рано**

2

Вышло сокращенное издание «Архипелага ГУЛАГ», предназначенное школьникам. На встрече с учителями вдова писателя Н. Д. Солженицына, рассказывала о жизни и творчестве Солженицына, отвечала на вопросы

Татьяна Кулевцова
Рыжий

12

В детском доме и в жизни

23

Письма из провинции: англичанин в России. Говард приехал в нашу страну работать волонтером в одном из детских домов для детей с психоневрологическими заболеваниями

Чтение

Переломный момент истории

14

Под рубрикой «Уроки девяностых» — интервью с Геннадием Бурбулисом

Мариэтта Чудакова
**Майн Рид,
кумир российских гимназистов**

20

Под рубрикой «Успеть прочесть»

Лия Осипова
Небесный мастер

26

К 650-летию Андрея Рублева в Государственной Третьяковской галерее прошла выставка, посвященная великому художнику-иконописцу

Андрей Хржановский
Мой любимый грузин с трубкой

30

Долгие годы Мераб Мамардашвили оставался символом просвещенности

Фрида Вигдорова
Девочки (дневник матери)

32

Елена Супранова
Жило- было...
Рассказ

37

Домашние занятия

Марина Ляукина
И у бисерного зайчика есть сердечко

42

Готовим для детей

44

Игры: На месте не стоять!

45

ЗАО Редакция журнала
«Семья и школа»

Генеральный директор
В. Ф. Смирнов

Главный редактор
П. И. Гелазония

Редакция журнала:

Т. Я. Кедрина
(досуг и быт),

Л. А. Комарова
(художественный редактор),

Н. С. Мавлевич
(школа и общество),

Л. Ф. Осипова
(культура),

В. А. Рыбаков
(развитие и воспитание ребенка)

Дизайн-проект журнала:
В. Е. Валериус

Предпечатная подготовка:
**И. В. Аршанский,
О. В. Шорохова**

Книжная редакция:
С. И. Сивоконь

Редактор интернет-сайта:
О. Л. Журавлева

Распространение:
Т. К. Чулкова

Обеспечение выпуска:
А. М. Бакланова,
Е. В. Угрюмова

Учредитель и издатель:
ЗАО Редакция журнала «Семья и школа»
Свидетельство о регистрации № 017036
Госкомитета РФ по печати

Адрес редакции:
129626 Москва,
улица Павла Корчагина, 7, строение 1
Телефон/факс: (495) 683-8614
e-mail: mag7a@narod.ru

Отпечатано в ОАО «Орден Трудового Красного
Знамени «Чеховский полиграфический комбинат»
142300 город Чехов Московской области
e-mail: marketing@chpk.ru
Сайт: www.chpk.ru
Телефон: 8 (495) 988-63-87
Факс: 8 (496) 726-54-10

№ 2 (февраль) 2011
Подписано в печать 31 января 2010 года.
Формат 60 × 90/8. Печать офсетная.
6 печ. л. Тираж 5900 экз. Заказ

В розничной продаже цена свободная

© ЗАО Редакция журнала «Семья и школа», 2011

Ряд районных и сельских библиотек в нескольких регионах
России получают журнал благодаря финансовой поддержке
Фонда «Президентский центр Б. Н. Ельцина»

Читать Солженицына в школе никогда не рано

В издательстве «Просвещение» вышло сокращенное однотомное издание «Архипелага ГУЛАГа», предназначенное школьникам. По этому случаю в Доме Русского Зарубежья имени Александра Солженицына прошла встреча московских учителей с вдовой писателя Натальей Дмитриевной Солженицыной, которая составила однотомник и написала к нему предисловие. Наталья Дмитриевна много рассказывала о жизни и творчестве Солженицына, отвечала на вопросы. С ее разрешения мы публикуем фрагменты этого выступления.

Солженицын-учитель

Александр Исаевич любил школу и, по свидетельству тех, кто у него учился, был талантливым педагогом. За свою жизнь он преподавал в пяти школах. В 1941 году он окончил физико-математический факультет Ростовского университета и получил распределение в среднюю школу города Морозовска, под Ростовом. Он, однако, рвался на фронт и мало что замечал вокруг себя. 16 октября 1941 года был призван в действующую армию, так что от этого первого учительского опыта впечатлений у него осталось немного.

Второй раз он учительствовал в ауле Кок-Терек Джамбульской области. В феврале 1953 года он освободился из лагеря и был сослан навечно в этот казахский аул. Ему было тогда тридцать четыре года. В Кок-Терек он рискнул зайти в роно и спросить, не нужны ли математики. «Ты откуда? Ах, ссыльный! Нет, не нужны». Александр Исаевич устроился счетоводом в сельпо, но недолгое время спустя к нему прибежал завуч местной школы: «Есть у тебя диплом? Ну давай, скорей тащи!» Оказалось, надо выпускать десятиклассников, а учителя нет. И вот Александр Исаевич за несколько месяцев до окончания учебного года стал преподавать математику и физику в старших классах и еще вести геодезический кружок. Один его класс был целиком казахский, другой состоял из детей ссыльных поселенцев: русских, украинцев, чеченцев, поволжских немцев. Александр Исаевич говорил, что таких учеников у него больше никогда не было — с такой жадной знаний, готовностью заниматься с утра до вечера. Эти дети могли надеяться только на учебу, для них это было единственное окно, единственная возможность вырваться в большой мир. Отсюда Солженицын, больной раком, дважды ездил лечиться в Ташкент.

В 1956 году политическую ссылку распустили, и Солженицын перебрался в Среднюю Россию, жил в деревне Мильцево у Матрены, как это описано в повести «Матренин двор», и работал в Межиновской школе Курловского района Владимирской области. Здесь кроме математики и физики он преподавал еще астрономию и вел кружок электротехники. Ученики ходили от дома до школы по пять-шесть километров, а жили в страшной бедности, были также обездолены, как дети ссыльных, и почти никто из них не мог вырваться из этой нищей жизни. Многих родители подстрекали оставаться на второй год, чтобы пробыть в школе подольше, потому что только там можно было в сельпо купить хлеб. Занимались эти дети тоже с большой охотой. Сережа Фролов, любимый ученик Александра Исаевича, поступил в педагогический институт и стал учителем математики в самом городе Владимире.

Четвертая школа — это уже Рязань, там он работал с пятьдесят седьмого по шестьдесят второй год. Из этой школы № 2, в прошлом гимназии, когда-то вышел академик Павлов, немало других впоследствии известных людей получили здесь хорошее образование. Эта школа и в советское время оставалась одной из лучших в городе. Александр Исаевич преподавал там только физику и электротехнику, а часы его любимой математики, к сожалению, были заняты. Рязанские ученики по

Ссылный учитель математики доски

сравнению с другими были самыми незаинтересованными. Конечно, одни занимались лучше, другие хуже, но, в общем, многие думали не столько о знаниях, сколько об отметках.

Наконец, пятая школа была домашняя — Александр Исаевич преподавал нашим сыновьям в Вермонте. Когда нас выслали, дети были совсем младенцами, но я привезла с собой все учебники, и, когда мальчики подросли, отец начал с ними заниматься всерьез. С двумя старшими — алгеброй, геометрией, астрономией и физикой (так что к двенадцати годам они прошли с ним все математические курсы), с младшим, несколько позже, — только алгеброй.

Какие произведения изучать в школе

Читать Солженицына полезно и детям, и взрослым, на разных уровнях. Когда говорят, что дети не готовы к восприятию «Архипелага ГУЛАГа», я считаю это совершенно неверным. Что значит «не готовы»? А к убийствам, которые они каждый день видят по телевизору, диким, немотивированным, жестоким? К этому вообще человеческая психика может подготовиться? Нет таких произведений Солженицына, которые школьнику было бы рано читать. Другое дело, как много он из них поймет. Но если он их вообще не откроет в школе, то потом, может быть, не прочтет уже никогда. Я убеждена, что если бы из школьной программы вынули, к примеру, Некрасова или Тургенева, наши дети вообще никогда не узнали бы, что есть такие русские классики. Разве что те, кто пойдет в гуманитарные вузы. А Солженицына стоит знать, потому что будущее нашей страны напрямую зависит от того, как мы понимаем наше недавнее прошлое.

В школьных учебниках есть разделы, посвященные творчеству и жизни Солженицына. Из тех, что вышли недавно, можно назвать «Литературу для 11-го класса» Голубкова и «Историю русской литературы XX века» Абельюк и Поливанова. А сверх учебников, мне кажется, учителю могут помочь девять дисков авторского чтения произведений Солженицына, выпущенные фирмой «Союз». Даже три-пять минут слушания такого чтения сделают урок интереснее. Александр Исаевич очень хорошо читает, и диски эти пользуются большим спросом.

В течение 2009 года проходил всероссийский конкурс школьных сочинений и методических разработок педагогов по произведениям Солженицына. Инициатором выступил главный редактор газеты «Литература» издательского дома «Первое сентября» Сергей Владимирович Волков. Мы присоединились к этому проекту: участвовали в работе жюри, оплатили проезд в Москву победителей; их награждение проходило в этом зале. На конкурс было прислано около четырехсот работ из 189 населенных пунктов России: от Калининграда до Владивостока и от Архангельска до Чечни; такая география бесконечно обрадовала бы Александра Исаевича. Жюри выделило девять победителей: шесть учителей и трех школьников. Мне особенно запомнился один замечательный учитель ОБЖ, который изучение «Архипелага» построил на главе о побегах: как собрать еду, как спрятать ножовку, как верно выбрать время... Работы затрагивали двадцать самых разных произведений Солженицына, при том что в школьную программу входили только два: «Разбирали» и «Письмо вождям», и «В кругу первом», и «Раковый корпус», и «Архипелаг ГУЛАГ», и «Крохотки».

Учитель Солженицын ведет учеников на занятия по геодезии. Кок-Терек, 1955 г.

Казахский 10-й класс школы им. Кирова с учителем математики и физики А.И.Солженицыным. Кок-Терек, 1955 г.

Еще одно большое событие — проект «Большое чтение» в Ивановской области, героем которого в 2009 году стал Солженицын. Люди целый год читали и обсуждали его книги, в библиотеках и школах шли диспуты, викторины, конкурсы плакатов. Все это происходило в 27 муниципальных образованиях, в чтение было вовлечено более 60 тысяч жителей.

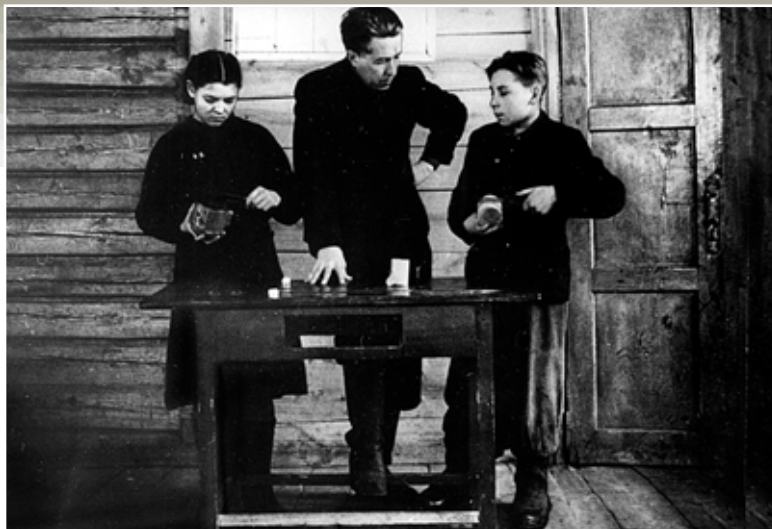
**«Архипелаг ГУЛАГ»
не утратил актуальности**

Александр Исаевич начал работу над «Архипелагом» еще в 1958 году, однако вскоре отступил, поняв, что не хватает материала, что на основе только личного опыта и опыта своих сокамерников нельзя написать такую охватную работу, какую следовало бы. А после того, как в ноябре 1962 года в «Новом мире» был напечатан «Один день Иван Денисовича», к нему хлынул поток писем, звонков от бывших зэков. Некоторые еще боялись писать, и Александр Исаевич встречался с ними лично и выслушивал, многие же присылали уже написанные воспоминания и свидетельства. И Солженицын понял, что, даже если он не хочет, у него нет морального права все это не собрать и не обобщить. Тогда он стал работать — конечно, в абсолютной тайне. Официальные документы и статистика были ему недоступны, а если бы он и получил к ним доступ, то много ли бы это ему дало? Даже сейчас вновь публикуемые новые данные отличаются от прежних. Но было несколько книг — они все цитируются в «Архипелаге», — изданных, что называется, по ошибке и потом изъятых из обращения, — например, книга И. Л. Авербах «От преступления к труду» о ранних концлагерях, Соловках и Беломорканале, или позорно известная книга «Беломорско-Балтийский канал имени Сталина», составленная из эссе тридцати шести советских писателей во главе с Горьким. Достать их было невероятно трудно, друзья помогли, и Александр Исаевич использовал приведенные в этих книгах цифры, даты, фамилии. Главное же, он исходил из свидетельств огромного числа бывших зэков. Его приблизительные оценки основывались на прикидках сидевших в ГУЛАГе людей, а среди них ведь было много высокообразованных и способных интерполировать то, что они видели, на всю систему. Так вот, поразительно то, что эти оценки в целом не расходятся с цифрами, приведенными в семитомном собрании документов, изданном в 2004–2005 годах Государственным архивом РФ. Одна весьма осведомленная американская исследовательница, Энн Эпплбаум, автор получившей Пулитцеровскую премию монографии об истории ГУЛАГа, писала: «Когда через пятьдесят с лишним лет после крушения СССР перечитываешь “Архипелаг ГУЛАГ”, поражаешься не тому, что в книге есть фактические ошибки, а тому, насколько их мало, учитывая, что у автора не было доступа ни к архивам, ни к официальным документам. Именно благодаря своей правдивости “Архипелаг” не утратил актуальности и значимости, которых у него не отнимешь».

**Как составлялся текст
сокращенного издания**

У меня не было какого-то единого критерия, каждая глава ставила свои задачи и создавала свои трудности. Но главная задача была: добиться и в этом сокращенном варианте непрерывности повествования. Легче всего было бы набрать яркие эпизоды, выбрать какое-то количество лагерных

Мезинов-
ская средняя
школа, урок
физики.
Мезиновка,
1957 г.

А. И. Солжени-
цын
с любимым
учеником
Сергеем
Фроловым
в избе
у Матрены
Мильцево,
1957 г.

Занятия
с сыновья-
ми. Слева
направо:
Степан,
Ермолай,
Игнат.
Кавендиш
(Вермонт),
лето 1980 г.

историй, которых в книге очень много, но тогда у читателей не было бы ощущения, что работала Система, они могли бы подумать: ну, не повезло этим людям, попали под колесо... пусть сотням, тысячам не повезло. А мне хотелось сохранить общую идею, заложенную в большую книгу, сохранить представление об огромной машине уничтожения, о том обморочном состоянии, в котором находилась наша страна и на которое обречена любая страна, если она отдается тоталитаризму. У нас сейчас тоже очень плохо, огромное расслоение, нищета, несправедливость, и многие, оглядываясь назад, говорят: тогда было лучше, наши дети тогда ездили в пионерские лагеря, а сейчас клей нюхают по подъездам. Большой соблазн сказать: мы хотим вернуться обратно, в ту зону, там было спокойнее,

была гарантированная пайка... Но надо бы не поддаваться этому соблазну. Сегодня многие живут скудно, наша материальная, физическая жизнь зависит от этого социального расслоения, от маленькой зарплаты, от того, что в метро зайдешь и не знаешь, выйдешь ли, — это все правда, но все-таки мы свободные люди. От нас не требуют, чтобы мы хором говорили одно и то же, и не сажают в тюрьму за критику власти. Мы можем обо всем говорить со своими детьми. (А ведь прежде боялись сказать детям, что их дедушка, или дядя, а то и отец где-то сидит, — из страха, как бы они не обмолвились в классе). Власть денег — это подлая власть, она и раньше в России была — читайте Глеба Успенского, — это ужасно, но она не требует от человека его душу. Мы все-таки не рабы. Конечно, кто любит деньги, тот и душу отдаст, но это его вольный выбор. А при тоталитаризме от каждого требуют душу в обмен на пионерские лагеря и какие-то гарантии в относительно благополучные годы. Вот я и хотела, чтобы люди понимали: это не было случайностью — такая-то история на Соловках и такая-то на Колыме.

И второе: мне хотелось, чтобы не было видно швов, ухабов, чтобы это было путешествие по островам архипелага по той именно траектории, которую наметил сам автор, лоцман этого плаванья, то есть, чтобы не нарушалась внутренняя логика книги. Насколько мне это удалось, пусть судит читатель. Некоторые главы я сокращала очень значительно, другие меньше. Предпочтение отдавала художественной силе. Это ведь художественное исследование. Есть вещи, которые непосильны, излишни для школьников — скажем, подробно прослеженное в трех главах становление «Закона». Как ЧК стало ГПУ, потом НКВД, потом КГБ. Эти подробные историко-юридические экскурсы можно опустить, хотя и не вовсе. Тут сокращение шло по принципу избыточности. Но было и наоборот. Например, в книге есть несколько глав, посвященных побегам. Главу «Убежденный беглец», своеобразную теорию побегов — как и когда бежать, кто бежит, почему, хотя это почти безнадежная затея, — я оставила, несколько сократив. Другую, где излагалась инженерная часть побегов, тоже оставила. А изумительную главу с подзаголовком «Белый котенок», интересную, как детектив, в которой рассказано о конкретном побеге Георгия Тэнно, друга Александра Исаевича, главу увлекательную, легкую для чтения, я вообще исключила. Потому что она ничего не добавляет сверх сказанного в тех двух главах, а кто захочет прочитать — пожалуйста! Трехтомник «Архипелага» доступен. Так что в каждой главе были свои соображения, и всё, повторяю, было подчинено общей задаче: не ослабить силу впечатления.

Многие недобросовестные критики нападали и нападают на Александра Исаевича за то, что он якобы в десять раз преувеличил число жертв, написав, что в ГУЛАГе погибло 66 миллионов человек. Во-первых, никогда он этого не писал. В книге есть ссылка на профессора статистики и экономики Курганова, который опубликовал оценочную цифру 66 миллионов, в которые входят жертвы гражданской войны, голода Поволжья, все уничтоженные между Первой и Второй мировыми войнами и нерожденные дети тех, кто погиб. А во-вторых, меня поражает вот что: в стране, где написано про «слезинку ребенка», всерьез обсуждается не столько миллионов погибло, а *всего* столько-то, не четыре миллиона расстреляно, а *всего* 800 тысяч. Что же, значит четыре миллиона — это много, а 800 тысяч — ничего? Допустимо? В этой книге внима-

ние сконцентрировано не на цифрах, о которых пускай спорят историки, а на моральной оценке, — вот это мне казалось невозможным упустить. Давайте поймем: мы кто друг другу? Не один же Сталин всех уничтожил, ведь сколько было исполнителей, а сколько, сверх того, доносчиков, которые доносили на соседа, чтобы занять его квартиру! Одна часть народа, большая часть, уничтожала другую, еще большую. Неужели не надо с этим разобраться, а так и тащить с собой в будущее, продолжая повторять: зато мы ракеты построили!

Что сказал бы Солженицын нынешним школьникам

Александр Исаевич несколько раз встречался в Москве со школьниками и всегда говорил им то же, что и своим сыновьям: судьба — это характер. Не верьте тем, кто говорит, что судьбу определяют обстоятельства: одному повезло, другому нет. Обстоятельства, конечно, есть, и роль играют немалую. Но судьбу определяет характер. С какого-то момента родители перестают вас пестовать как младенцев, учить, как правильно есть и как шнурки завязывать. Потом, когда вы становитесь постарше, вас чему-то учат учителя, но затем наступает время, когда человек сам за себя отвечает. И, даже если он этого не осознает, он строит свой характер ежедневными мелкими поступками, ежедневными маленькими решениями — дома, в классе, на улице. Он все время вынужден, когда его уже не водят за ручку, принимать решения. Примеров можно не приводить — все знают по себе. Каждую минуту перед нами стоит маленький вопрос, мы можем поступить так или этак. Так, выбор за выбором, мы формируем свой характер. И не только волю, а систему наших ценностей. Это самовоспитание, от которого многие отказываются. Марксизм считает, что все зависит от среды, и это обман: главное в жизни зависит от самого человека, в том числе приятие и неприятие тех соблазнов, которые вокруг раскинуты. В общем, все времена в каком-то смысле друг от друга не отличаются, потому что каждое из них ставит перед человеком одну и ту же задачу: говоря высокопарно, служить добру или злу. Но ведь оно так и есть, большинство наших решений — это выбор не между большим и меньшим добром, нет, мы выбираем, плохо сделать или хорошо, или ничего не сделать, то есть просто не заметить, мимо пройти, а это зло. Каждому человеку только и можно пожелать не уклоняться от этой ответственности строить самого себя. А конкретные соблазны... Сейчас они одни, в другое время другие. Сейчас нам очень страшно, потому что в последнее время перемены в нашей стране слишком быстрые для человеческой жизни, слишком крутые и радикальные. К ним трудно привыкнуть. Многим людям кажется, что вся жизнь прошла впустую, никому не нужно то, на что положены были все силы. Это очень тяжело. Поэтому мы и думаем: Апокалипсис при дверях. А на самом деле в истории России, наверно, было много поколений, которым пришлось еще хуже. Что было в семнадцатом, восемнадцатом, девятнадцатом годах? И холодно, и есть нечего, и весь ГУЛАГ еще впереди. Гимназии поразрушили, вместо них — обучение бригадным методом. Тогда тоже казалось: всё, конец света. Разве тогда было не страшней? Так что ни оправдываться тяжелыми обстоятельствами не нужно, ни оправдывать свое поражение. Надо говорить не «нас победила жизнь», а «мы ей сдались». Растите свой характер. Я думаю, Александр Исаевич сказал бы так.

Публикацию
подготовила
Наталья
Мавлевич

Вокруг развития и воспитания

Новое о хорошо знакомом
и ещё не знакомом

Альтернативная медицина может быть опасной для детей

Альтернативные методы лечения могут быть опасными и даже смертельными для детей, если применять их вместо обычных медикаментов, утверждают австралийские специалисты. Авторы исследования проанализировали 39 случаев с детьми в возрасте начиная с рождения до 16 лет, зафиксированных австралийскими педиатрами. Некоторые родители считают альтернативные препараты более естественными и рассчитывают на то, что они дают меньше побочных эффектов. На самом же деле почти в двух третях случаев побочные эффекты были очень тяжелыми, угрожающими жизни и даже приводили к летальному исходу.

В одном из эпизодов восьмимесячный малыш был госпитализирован с диагнозом «недоедание и септический шок», который стал следствием так называемой натуропатической терапии на фоне рисо-молочной диеты. Так родители лечили расстройство желудка ребенка с трехмесячного возраста. В результате он скончался. В другом случае с летальным исходом хроническую экзему у десятилетнего ребенка лечили гомеопатическими средствами и диетой. Еще один ребенок перенес многочисленные приступы болезни и в конце концов скончался в результате применения пищевых добавок и альтернативных лекарств, применявшихся вместо опробованных препаратов: родители опасались, что последние вызовут нежелательные побочные эффекты. Четвертый случай касается младенца, который нуждался в препаратах, способствующих свертыванию крови, но которому вместо них давали пищевые добавки.

Давно известно, что альтернативные препараты имеют побочные эффекты, особенно для пациентов с высокой степенью риска, таких, как дети. Инертные препараты — гомеопатические, например, — хотя сами по себе и безвредны, могут представлять собой угрозу для жизни, если ими заменять реальное лечение. Дети не сами принимают решения, а родителей могут сбить с толку 50 миллионов веб-сайтов, посвященных альтернативной медицине. Дети — это жертвы огромного количества ерунды и ничем не подтвержденных заявлений.

Врач обязательно поможет!

Дикие девочки-шимпанзе играют в куклы

Во всех человеческих культурах девочки любят играть в куклы, а мальчики предпочитают машинки (или другие игрушки на колесиках) и сабли с пистолетами.

Это факт, подтвержденный в ходе специальных исследований. Такие же половые различия в выборе игрушек характерны и для юных обезьян, воспитывающихся в неволе. У детенышей диких приматов ничего подобного до сих пор не было замечено. Американские антропологи, в те-

чение 14 лет наблюдавшие за группой диких шимпанзе в национальном парке Кибале в Уганде, установили, что в природе девочки-шимпанзе тоже играют в «дочки-матери».

Это нельзя объяснить просто тем, что самки вообще чаще берутся с предметами. Другие виды деятельности, связанные с использованием предметов, наоборот, характерны больше для самцов: например, самцы чаще используют палки в качестве оружия в агрессивных стычках. Дре-

вянные «куклы» никогда не используются для иных целей: ни как оружие, ни как палки-ковырялки. В отличие от всех остальных способов использования палок, игры в «дочки-матери» полностью прекращаются с рождением первого детеныша.

Вот и еще одна «чисто человеческая» черта оказалась общей для людей и шимпанзе. Не исключено, что в куклы могли играть и наши общие предки, жившие шесть–восемь миллионов лет назад.

Мамин чудо-коктейль

Отсутствие равноправия между полами проявляется сразу после рождения, — пишет *Зюддойче Цайтунг*. — Новорожденные мужского пола получают с материнским молоком уникальный коктейль из изысканнейших питательных веществ с полезными жирными кислотами и бесценными протеинами. Новорожденные девочки при этом испытывают нехватку ценной лактозы в материнском молоке».

Биологи, специализирующиеся на вопросах эволюции, объясняют подобные различия просто: теоретически мужчины могут произвести больше потомства, в то время как беременность женщины длится долгие месяцы. Иными словами новорожден-

ные сыновья изначально дают новоиспеченной мамаше шанс иметь больше внуков. Бесценные питательные вещества, отданные матерью сыновьям, — наилучшая инвестиция собственных генов в будущее.

Сегодня ни для кого не секрет, что материнское молоко — нечто большее, чем просто первая еда, которую получает малыш. Это единственное из известных до сих пор абсолютно полезное питание, наполненное биологически активными веществами, оказывающими влияние на ведущие системы организма новорожденного. Еда из маминой груди помогает малышу противостоять бактериям и вирусам, создает или уменьшает риск заболеть определенными заболеваниями, изменяет активность целых групп генов.

Вероятнее всего, материнское молоко формирует характер ребенка и наверняка повышает его интеллектуальный уровень.

Материнское молоко — больше, чем просто еда

Вакцинация и аутизм: есть ли связь?

В академическом издании — «Британский медицинский журнал» — были опубликованы две статьи, разоблачающие бывшего доктора и ученого Эндрю Уэйкфилда, который более десяти лет назад первым заявил о связи аутизма и прививок. Авторы статей назвали результаты исследования Уэйкфилда «тщательно спланированным мошенничеством». Это заявление привело в шок многих (особенно тех, у кого дети страдают аутизмом), потому что результаты, указывающие на взаимосвязь между этой болезнью и прививкой, наделали не только много шума во всем мире, но и привели к созданию целой «индустрии» по борьбе с прививанием детей. Во многом именно благодаря Уэйкфилду в разных странах возникло движение против прививок. В результате многие родители стали отказываться от проведения вакцинации своим детям вообще, в результате чего возникла угроза распространения уже, казалось бы, побежденных инфекционных заболеваний.

Уэйкфилд вносил изменения в анамнез больных, чтобы его теория о связи вакцины и аутизма выглядела убедительнее. Он утверждал, что у обследованных им детей первые симптомы появились сразу же после введения вакцины, хотя реальные данные говорят об обратном. При этом свои данные он основывал на исследовании двенадцати детей, у которых после проведения иммунизации вакциной появился признак «нового синдрома», описанного как энтероколит и регрессирующий аутизм. Однако команда редакторов «Британского медицинского журнала» выявила, что только у одного ребенка наблюдался регрессирующий аутизм, а у трех детей аутизма не было вовсе; у пяти детей отмечены проблемы со здоровьем, которые были зарегистрированы в истории болезни ранее, еще до введения им вакцины; утверждения о том, что симптомы появились спустя несколько дней после прививки, были ложными, и в некоторых случаях до возникновения

первых проявлений прошло несколько месяцев; у девяти детей результаты лабораторных исследований были в пределах нормы, однако при этом им был установлен диагноз «неспецифический колит»; некоторые пациенты попали в исследование вследствие участия в антивакцинальной кампании; исследование было проведено и профинансировано как часть спланированного судебного процесса против компании — производителя вакцины.

Массовые протесты против вакцинации продолжаются и по сей день — особенно в США. По мнению ряда ученых-вирусологов вопрос связи вакцины и аутизма — законный, и неудача одного врача не означает, что такой связи нет. Более того, по мнению одного из этих ученых, складывается впечатление, что случаев аутизма действительно стало больше.

Но возникает вопрос: стала лучше диагностика или действительно увеличился уровень заболеваемости аутизмом? Ученые полагают, что в случае аутизма нужно принимать во внимание и изменившиеся жизненные факторы — тот факт, что женщины стали позднее рожать детей, влияние компьютеров и ультрафиолета.

Согласно данным Центра по контролю и профилактике заболеваний США, около четверти американцев ежегодно отказываются прививать своих детей, а это каждый год приводит к эпидемиям. Многие эксперты считают, что даже при опровержении взаимосвязи между прививкой и аутизмом потребуются много времени, чтобы поменять годами сложившееся мнение у людей, которые более десяти лет были уверены в том, что именно вакцина против кори, свинки и краснухи ведет к аутизму.

Н. П.
(по материалам Интернета, иностранной печати и радио)

Советы бывалых: перед применением — думать

Елена Никитина

Нашим мамам было легче — за наше воспитание и образование отвечали педагоги, за безопасность — милиция, за здоровье — медики... Родители привлекались к процессу в исключительных случаях. Однако с тех пор многое изменилось. И иной раз безоглядно доверяться профессионалам небезопасно...

Дорога — не тропинка, дорога — не канава...

Чтобы без приключений добраться вечером домой или перейти улицу, для подростков конца 70-х существовал универсальный совет: «пристроиться» к женщине, лучше с ребенком, и всю дорогу держаться от нее поблизости. Это, конечно, не гарантировало от несчастного случая — тогда, например, ходила страшилка про то, как на повороте занесло прицеп грузовика, и погибла стоящая на тротуаре девочка. Однако в те времена никому не приходило в голову обвинять в случившемся саму пострадавшую (стояла слишком близко к мостовой) или ее родителей (зачем отпустили одну в музыкальную школу?). Просто история звучала в наиздание — на улице надо вести себя осмотрительно.

Сейчас в случае любых несчастий с детьми стрелки умело переводятся на родителей, которым и так достается больше всех. Не считая самих детей.

На переходе лихач сбил детсадовца и младшего школьника. Ребятишки отлетели по воздуху на полсотни метров. На суде адвокаты заявили: в трагедии виновата мать, поскольку дети — насмерть, а на родительнице — ни царапины. Значит, это она нарушила правила и при переходе дороги по зебре не держала детей за руку. А водитель, единственный не затормозивший из всего потока, — ни при чем. Хорошо хоть, автомобилиста-убийцу не объявили пострадавшим, — а ведь можно было бы говорить о полученной им из-за безответственности пешеходов психологической травме.

Эта история просто была в действительности доведена до логического абсурдного конца, но сколько раз я убеждалась: количество автомобилей в мегаполисе вызвало качественный перекос в психике тех, кто ими управляет. Теперь погаст под колеса автомобиля можно в любом месте, где железный конь помещается физически. Так, в один и тот же день, возвращаясь с детьми из школы, одного ребенка я

успела выдернуть из-под машины на выходе из подземного перехода, а другого через двадцать минут при пересечении пожарного проезда в полутора десятках метров от мостовой.

Однако кроме автолюбителей есть гораздо более близкие к детям профессионалы, контактов с которыми избежать намного сложнее.

Педагог, обучись сам!

Бабушка первоклассника, шаловливого и шумного, разговаривала с завучем, тоже, кстати, бабушкой. «Был бы это мой ребенок, — заявила та, — я бы его была каждый день!» Бабушкин шок от услышанного профессионального совета длился долго.

Считающаяся лучшим педагогом района учительница начальных классов по любому поводу пишет замечания в дневники. Выглядеть они могут, к примеру, так: «Ув. родители! Почему у вашего ребенка такие грязные, рванные учебники, дневник? Может, мне взять вашего сына на перевоспитание???» Однако в школе еще не забыт ее собственный сын, с трудом осиливший сдачу ЕГЭ, а ныне зарабатывающий в танцевальной студии платным партнером. Мама-учительница горда — он ведь не наркоман какой-нибудь и даже не курит!

Представления о прекрасном у каждого свои, да и цинизму нет предела. Но, к счастью, с подобными выступлениями мы встречаемся нечасто, на жизнь они реально не влияют; если уж очень допечет, можно перевести ребенка в другую школу. Однако на том же пьедестале, что и педагоги, исторически оказались другие профессионалы — медики, а похоже, пришла пора отделить уважение к профессии от осторожного отношения к действиям отдельных ее представителей.

Прививка для болезни

Обучавшийся медицине волей-неволей начинает ощущать себя навсегда приобщившимся к Таинству. И терапевт в возрасте «столько не живут» может с удивлением несовременно поинтересоваться, зачем в доме тонометр. А если у такого обладателя медицинского диплома (любого — пусть даже медсестры или массажистки) есть свои дети, это в разы уменьшает его естественный страх, страх взрослого, причинить вред маленькому человеку. Врачи, которым приходится исправлять последствия действий коллег, не устают удивляться, насколько дико ведут себя вроде бы профессионалы.

В современном мире без профилактических прививок — никуда.

И теперь их вроде бы уже делают (или не делают) с согласия родителей; даже, как положено по закону, просят дать соответствующую расписку — дескать, вся ответственность за последствия — на старших родственниках. Врач не может заставить, но может убеждать и агитировать, борясь за лучшие показатели по участку. И только с этой целью доктора нередко (и — явно лукавя!) убеждают родителей, что от прививки не будет вреда, если у ребенка небольшой насморк или даже слегка повышена температура. Родителям, поддавшимся на аргументированные и профессиональные уговоры, вскоре приходится обращаться к другим докторам — уже для серьезного лечения.

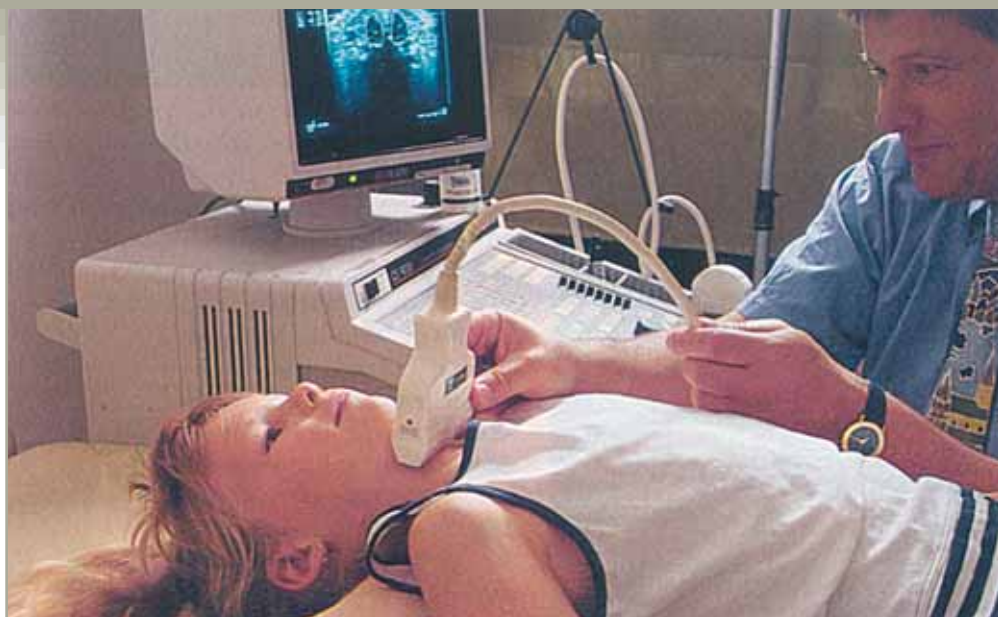
Так, мама поверила, что легкое покашливание — ерунда, согласилась на прививку, а через несколько дней лечила сына от пневмонии. Назначавшие уже в стационаре лекарства доктора уверены: воспаления легких не случилось бы, если бы прививку сделали через две недели после полного прекращения кашля. Организм справился бы с недомоганием, но ему помешала неграмотно сделанная прививка. Введение в организм любой вакцины обязательно снижает иммунитет, а потому прививка действительно безопасна только на фоне полного здоровья.

Лечение с увлечением

Распространенных «детских» болезней в общем-то не очень много. Часто дети что-то не то отправляют в рот — возникает пищевое отравление; простужаются — и тогда сопли и температура. Любой родитель сначала старается с описанными ситуациями справиться самостоятельно.

Вот и внучка бабушки-терапевта чего-то съела. И родственница-врач, желая промыть желудок, влила в ребенка два литра раствора пищевой соды. «Выливания» жидкости не случилось, бабушка — хоть и медик — о необходимости этого как-то не подумала. Из приемного отделения больницы, куда внучку все-таки доставили, ее прямоком отправили в реанимацию. Врачи все сказали коллеге: отравление было гораздо менее серьезным, чем результат проведенного «лечения».

Еще отравления почему-то любят лечить раствором марганцовки (внутри) и теплыми клизмами. Первое средство — наружное, его не пьют: крохотный нестерворившийся кристаллик может вызвать серьезный ожог слизистой пищевода или желудка. Второе средство тоже не лечит. Если температура вводимой жидкости выше температуры тела, она, жидкость, не выйдет наружу, а быстро всосется; и если объем клизмы значителен, то процедура не облегчит, а усугубит состояние больного. Увы, то и другое назначают медики.

и подобный метод ее лечения неизвестны.

Врач, вызванная среди ночи к заходящему в крике младенцу, посоветовала маме обтереть его лицо подолом ночной рубашки. Дескать, это гарантированно прекратит рыдания, она на своем ребенке не раз проверяла.

Это, конечно, забавно, но хоть относительно безвредно. А вот к каким советам следует относиться с особенной настороженностью, так это советы врачей «Скорой помощи». Надо понимать: высококласные специалисты, прибывающие по вызову и умеющие лечить всё, причем практически голыми руками и без анализов, попадают больше в телевизор. В жизни задача бригады — оценить, насколько больной «тяжелый», оказать первую помощь и доставить его в стационар. Понятно, что о лечении на уровне «неотложки» речь не идет. Более того, врач «Скорой» — это должность, а человек, ее занимающий, может иметь, к примеру, диплом фельдшера, даже не являясь врачом в привычном смысле слова.

Однако далеким от медицины родителям, да еще когда болен ребенок, разбираться в подобных тонкостях некогда.

Прибывшие на вызов медики посоветовали маме снижать температуру у дочери не привычными средствами, а другим, мало известным у нас

препаратом. Через год у часто болеющей дочери-третьеклассницы образовалась лекарственная язва.

Другой маме в «неотложке» по телефону посоветовали сделать согревающий компресс — так предпологалось к утру вылечить слегка вздувшуюся «желёзку» за ухом. Через день ребенок оказался в больнице с гораздо более серьезным диагнозом. Традиция греть любым способом (мазями, полуспиртовыми компрессами и даже при помощи физиотерапевтических процедур) всевозможные воспаления (флюсы, отиты, лимфатические узлы) крайне опасна: пациент, если прогрет, не прекратит и не начнет грамотное лечение, может попросту погибнуть. Фантастика, но столь безграмотные назначения делают именно медики! На самом же деле при воспалительном процессе, если от этого становится легче, без риска для здоровья можно использовать только сухое тепло — к примеру, шерстяной платок.

Единственное объяснение и оправдание для родителей, иногда неправильно лечащих своих детей, — их тяжелое психологическое состояние, вызванное болезнью ребенка. Однако у большинства из нас детей не так уж и много, нередко вообще один. И убеждать его можно, только трезво подходя к любому медицинскому назначению.

принимали, как правило, 5–7 дней. Но теперь популярен препарат, который надо принимать всего 3 дня, о чем написано в инструкции; более длительный прием приносит больше вреда, чем пользы. Но какой же спец будет читать инструкцию! А родители или не читают, доверяя врачу, или читают, но опять-таки доверяют врачу, который «лучше знает».

После приема антибиотиков часто нарушается кишечная флора. И, прописывая лекарство от основной болезни, врачи назначают препарат для восстановления флоры, почему-то не говоря, что пить его можно и нужно только после окончания курса антибиотика. Не стоит даже глубоко задумываться, чтобы понять: антибиотик («против жизни») убивает не только болезнетворные, но принимаемые вместе с ним полезные бактерии!

Шаманство и «скорая помощь»

Встречаются врачебные рекомендации весьма забавные. После обследования дочери-подростка мама получила диагноз «проблемы со щитовидкой» и назначение повесить ей на шею бусы из необработанного янтаря. Оказалось, шарлатанские рекомендации (и странный диагноз) выдала во время обследования доктор, проводившая УЗИ, — эндокринологом такая болезнь

Прочтите, наконец, инструкцию!

Нередко в больницу попадают дети, которым были неверно прописаны лекарства. По правилам, лечебную дозу надо рассчитывать, исходя из веса пациента, а не из возраста, как это зачастую делается. Фармацевты (чьими советами не пренебрегают родители) об этом нередко не помнят; в инструкции же по применению возраст указан исключительно для удобства.

Еще несколько лет назад все антибиотики

Что такое лень

На этот животрепещущий вопрос отвечает тонкий психолог, крупнейший русский педагог **Пётр Фёдорович Каптерев** (1849–1922). Пётр Фёдорович придавал большое значение семейному воспитанию, издавал многотомную «Энциклопедию семейного воспитания». Его взгляды актуальны и нужны современным воспитателям и учителям. Я выбрал из его обширной работы «О лени» фрагменты, которые звучат особенно злободневно.

Борис Бим-Бад

Что такое лень? Лень есть наименьшая деятельность при наибольшем числе приятных состояний, минимум деятельности при максимуме удовольствия. Ленивый человек в некоторой степени философ, он скептически относится к суете и хлопотам жизни.

Наименьший труд при наибольшем числе приятных пассивных состояний — вот идеал ленивого. В этих двух чертах выражается сущность лени. Ленивый признает много истины в поговорке восточных народов, что стоять лучше, чем ходить, сидеть лучше, чем стоять; лежать лучше, чем сидеть; а

спать лучше, чем лежать. Илья Ильич Обломов утверждал, что «все ищут отдыха и покоя, цель всей вашей беготни, страстей, войн, торговли и политики разве не выделка покоя, не стремление к этому идеалу утраченного рая?»

Безволие может соединяться с ленью, и тогда получается тот образчик ленивца, который нарисован Гончаровым в Обломове. Безволие, несомненно, благоприятствует развитию лени, предрасполагая человека к недеятельности; но безволие не есть необходимый признак лени.

Но лентяй может владеть волей. Он способен к усилиям, к настойчивости, к энергичной работе, правда, на короткое время, по временам, вспышками и взрывами; постоянно же и систематически работать он не желает.

Основной, главнейший источник лени кроется в пассивной стороне человеческой природы. Мы двусторонние существа: отчасти мы деятельные, отчасти пассивны. Мы стремимся к деятельности и одновременно нуждаемся в покое, отдыхе.

Задатки лени есть в каждом человеке, и нет такого существа, которое не было бы по временам лениво.

Пассивность не есть отсутствие деятельности, а только меньшая деятельность. Играть и смотреть на игру, читать лекцию и слушать ее, заниматься серьезною умственной работой и пробегать повесть — не одинаковая деятельность; первая обозначает активное состояние, а вторая — относительно пассивное. Кто же может сказать про себя даже в периоды детства и юности, что он всегда предпочитал быть деятелем, а не зрителем?

По временам мы все бываем ленивы: дети, юноши, зрелые люди и старики; если не прямо лень, то склонность к ней есть у всех, у одних в большей мере, у других в меньшей; склонность к лени — свойство человеческой природы, а потому искушениям полениться мы подложим все. Нет человека, которой не согрешал бы... ленью, во всех возрастах.

Склонности к лени может служить и особая постановка семейного и школьного воспитания.

При такой постановке воспитания, о которой идет речь, в семье стараются оберегать детей от всякого серьезного труда и напряжения сил, не допускают до утомления, изыскивают всевозможные средства и способы облегчить в каждой деятельности детскую работу, боятся, как бы дитя не переутомилось. Вследствие такого отношения взрослых дитя не знает удовольствия от работы и напряжения, духовная пища дается ему слишком разжеванной, все ему разъяснено, показано, все трудности предуготовлены и устранены и дитяти остается лишь одно — глотать разжеванную умственную пищу.

В то же время родители много заботятся о доставлении своему дитяти удовольствий, конечно, главным образом пассивных: накапливают книжечки с картинками, возят на разные зрелища, окружают замысловатыми и сложными игрушками и неодобрительно относятся к шумным играм с товарищами, особенно на открытом воздухе. Что там за товарищи? Чему они тебя научат? На улице и простудиться легко. Лучше сиди дома и развлекайся.

Семейное воспитание, так поставленное, имеет две главные цели: уменьшить детский труд и увеличить число приятных состояний дитяти. Если такое воспитание тела не есть прямое приучение к лени, то во всяком случае деятельность, близко приводящая к ней: облегчение детского труда, при наличности сил для него, легко может перейти в наименьшую возможную деятельность. Что же касается приятных состояний, преимущественно пассивного характера, то нет сомнения, что многие дети покупают их не только слишком дешево, но и просто берут даром, благодаря щедрости родителей, без всякой платы своим трудом.

Школа нередко поддерживает расположение к лени способом совершенно противоположным к семейному — давая слишком много неинтересной, скучной работы. Школа сурова, она не мать, а мачеха. Она дает работы много; не только не минимум, но, наоборот, максимум и даже больше. В школах дети часто переутомляются; это значит, что они работают чересчур много, свыше сил.

Но большое количество школьной работы это еще полбеды, а то и меньше; самая главная беда состоит в том, что работа неинтересна, суха, отвлеченна, не соответствует детскому возрасту и его потребностям. Дети работают, но без всякой охоты, по принуждению. Работа их не увлекает, не доставляет удовольствия, любви к работе не создается. Напротив, нерасположение к трудной и мало понятной школьной работе переносится на работу вообще, воспитывается

и способностям данной личности, какими-либо специальными трудностями, возникшими при усвоении того и другого предмета в отдельности, и т. п.

Чтобы решить вопрос, почему учащийся ограничивается наименьшей деятельностью по известному предмету — по лености или по каким-либо другим уважительным причинам, для этого непременно нужно исследовать, простирается ли такая минимальная деятельность на все предметы или только на некоторые.

Если окажется последнее, то учащийся может быть признаваем лентяем лишь с большою осторожностью, так как у него могут оказаться более или менее серьезные причины слабых занятий по некоторым предметам. Да и вообще не мешает помнить, что любой человек, затрачивающий много сил на один какой-либо предмет, тем самым лишается возможности проявлять такую же энергию во всех других. Во всяком случае, о лености тут нужно судить с осторожностью.

и как с ней бороться

нелюбовь к труду, мало-помалу и незаметно укореняется убеждение, что верх блаженства — ничего неделание, отсутствие работы. Работа — это рабство, принудительное состояние, лишение удовольствия, горе; отсутствие работы и необходимости работать — это счастье, радость, благодатное состояние, свобода.

Главное орудие против лени. Очевидно, главные орудия против лени заключаются в правильном развитии деятельной стороны человека и в ознакомлении с высшими удовольствиями, возникающими от деятельной жизни.

Дети, отроки и юноши — это существа весьма деятельные по природе, они имеют неудержимую склонность ко всякого рода работе. Следует только поддержать эту естественную склонность, не убивать ее, так как по природе у каждого человека гораздо больше расположение к деятельному образу жизни, чем к лени.

Деятельность, работа, труд заключают сами в себе награду, то есть удовольствие, когда они умеренны и посильны; дети охотно работают и не боятся устать, утомиться — не бояться и напряжений. Нужно только давать детям достаточный отдых, когда они устали.

Обманчивая леность. И в семье, и в школе часто считаются ленивыми такие дети, которые на самом деле совсем не ленивы. Если учащийся плохо готовит заданные уроки, то из этого несомненного факта нередко выводят ложное заключение, что он ленится учиться; плохо слушает в классе, следовательно ленится быть внимательным; туго усваивает, медленно соображает — опять, значит, ленив и т. д.

Но такие поспешные, непроверенные заключения о причинах несомненных фактов часто оказываются совершенно неправильными. Ленивый к школьным занятиям ученик оказывается иногда дома деятельно занимающимся каким-либо нравящимся ему предметом, тратит на него много времени и сил. Ленивый по многим предметам оказывается совсем не ленивым по другим: ими он занимается правильно и усердно.

Бывший усердный ученик иногда, после болезни, пропуска уроков по другим причинам, становится «ленивцем».

Во всех подобных случаях лености собственно нет, она только кажущаяся и вызывается разными серьезными причинами: недостаточною подготовкою учащегося к усвоению известного курса, неприспособленностью курса кумственным потребностям

Психология лентяя. При борьбе с ленью следует обратить внимание на другое существенное обстоятельство. Ленивец стремится к удовольствиям и не работает, чтобы не уменьшить и не нарушить своих наслаждений. Но удовольствия ленивца весьма ограничены и узки, они пассивного и вместе грубо эгоистического характера. Какие удовольствия можно доставить себе путем наименьшей деятельности? Очевидно, весьма ограниченные, низшего разбора и порядка, главным образом покоя, отдыха, свободы от обязательного труда. Ленивец уходит в свою маленькую раковину, замыкается в ней и не желает беспокоиться ни о чем. Оставьте его в покое, он никого не трогает и его не трогайте. Его изба с краю. Весь Божий мир с его большими волнениями, радостными и печальными, куда-то скрывается, уходит в туманную даль, и остается ничтожный мирок узкой, крайне ограниченной личной жизни, нередко с явным перевесом чисто материальных интересов. Припомните, как рисовался рай Обломову, какая жизнь казалась ему счастливой и блаженной: просторные сюртуки, крендельки и сливки, сдобные поцелуи жены, сантиментальная мечтательность, отсутствие всякой работы, энергических напряжений — вот что на первом месте. Какие же иные удовольствия могут быть при такой жизни? Ленивец отрешает себя от общей жизни, довольствуется минимальными общественными связями и отношениями, замыкается в самом себе, и, ограничивая так свою жизнь и деятельность ради покоя, теряет возможность высшего наслаждения, лишается многих, весьма ценных, удовольствий.

Интерес убивает лень. Серьезный и живой интерес к науке и искусству, географическая любознательность, выражающаяся наклонностью к путешествиям, живое социальное сознание, вызывающее на деятельное участие в различных обществах, кружках, в общественной работе и жизни, глубокое сострадание к бедствующим и помощь им — все это несовместимо с наименьшею деятельностью человека и с теми удовольствиями, которые логически связаны с такою наименьшею деятельностью. А между тем все указанные направления деятельности служат источниками новых и высших удовольствий, совершенно недоступных ленивому, заключенному в своей маленькой личной раковинке. Поэтому развитие высших умственных интересов и социального сознания есть существенное противодействие против лени. Достижению этой цели весьма много способствует правильная организация жизни ребенка в семье.

Каптерев П. Ф.
О лени.
«Русская школа»,
март 1903,
№ 3,
с. 107–120.

РЫЖИЙ

Татьяна Кулевцова

Двадцать с небольшим лет назад страна находилась на пике эмоционального подъема. Все рвались к переменам. Казалось, что ты можешь всё. И каждый мог быть свободен в своем выборе.

Оставаться в стороне было невозможно. Но куда и как влиться? На работе все стабильно: в прогнозе землетрясений революций не бывает... В семье четыре дочери радуют успехами. А душа мечется, просит, требует!

У детей в детдомах нет родителей, и некому показать им красоту этого мира. И наша семья за два года увеличилась на семь человек, а потом родилась младшая — в год распада Союза. Вечно дотационная Киргизия, куда мы попали после университета, стала самостоятельной страной. Ее штормило, и нас вместе с ней.

Да. Каждый ребенок — это песня. Только песня, написанная не нами. То, что ребенок не чистый лист, что надо попасть в такт, мы поняли не сразу. Но поняли.

Представляете какофонию из романсов, джаза, шансона, рока? Хорошо, что мы оба люди не музыкальные....

Скучно нам не было ни разу. Мы развлекались, как могли. Вместе со школой, опекой, психоневрологическим диспансером, инспекторами по делам несовершеннолетних и сердитыми чиновниками. А в девяностые к нашей компании стали прибавляться все более высокие чины и организации. Наша прежде совершенно благополучная в финансовом отношении семья сидела на голодном пайке, и мы последовательно прошли весь путь от акимов (глав администраций) до вице-премьер-министра, от гуманитарной помощи Корпуса Милосердия к ЮНИСЕФовским проектам развития семейных форм воспитания, от позиции просителей в чиновничьих кабинетах к гордому представительству Ассоциации семейных детских домов в Белом доме, от авторства слезных писем и стихов на заказ (десять сом за четверостишие) до соавторства в Государственной программе Республики Кыргызстан «Новое поколение».

Путь от непонимания этого ребенка к его принятию. И вот он уже не «этот», а свой, родной.

С правом на свой выбор, свою судьбу. Не отнимая этого права у нас.

Нас звал Новосибирск — там рождались первые внуки. В Бишкеке остались любовно отделанная девятикомнатная квартира, выстраданная потом и кровью Госпрограмма «Новое поколение» и трое старших, пустивших там свои корни.

Снова все начиналось с нуля — и главным ресурсом стали уже не молодость и неумемная энергия, а дети.

Ему двадцать. И почти восемнадцать из них он в нашей семье.

Приехали в дом ребенка. Детеныш бежит бойкий, на папу нашего похожий — я на него еще раньше глаз положила. Ан нет! Сильно хороший — пойдет на усыновление.

Тут привели рыжего-рыжего и давай нахваливать! И умненький, и разумненький, и послушненький! Только вот не говорит совсем, и что-то опять приболел (но вы не подумайте!), и ходить недавно начал.

Ну, нам-то что. Коль не тот, так все равно. «Пойдешь?» — спрашиваю. Молчит, меня не видит, будто и нет такой рядом.

Пошли. Говорю с ним без умолку, потому что вижу — сейчас заплачет. Но нет. И до машины дошли, и до дома доехали, и поел он, и спать лег.

А ночью... Проснулись мы от страшнейшего вопля — Серега закатился. Я такого не слышала и не видела раньше. Ребенок не кричит, а хрипом каким-то, на медвежий рев похожим исходит (кто хоть раз медведя слышал — поймет).

Я к нему, а он весь натянутый струночкой, и твердый, как деревянный. Наверное, тогда у меня первая седина появилась. Отходила как-то. Как — сама не помню. Наутро — в дом ребенка. Что с ним, как лечить? Что вообще делать в таких ситуациях? Главврач молчит, глаза прячет. У нянечек, медсестер поспрашивала, говорят, да, есть такое. Но что делать, так и не объяснили.

Не поверите — до сих пор диагноза не знаю!

Ну а потом как-то все попроще пошло. Заговорил парень через полгода, с энурезом разделились годам к десяти-одиннадцати, а припадочки эти становились все реже, годам к восьми совсем прошли.

Синдром дефицита внимания и гиперактивности — год просидели на надомном обучении, а после заставила-таки школу взять его в класс — небрежны учителя на надомном... А Сережка стал уже к тому времени по 15–20 минут высиживать. Да и школа к нам уже привыкла со старшими — перестали на педсоветы вызывать прорабатывать (вот делать им на педсоветах было нечего!), да и в дневниках уже больше синих записей стало, чем красных.

Ну и в психоневрологическом диспансере мы тоже уже своими людьми были.

Дома, правда, с Рыжим весело было. Обоим не держались у нас — через пару дней после наклеивания бритвочкой на полоски резались. Так и висели потом писком современного дизайнера. Техника бытовая не выдерживала натиска. Ну а ожоги, порезы, сломанные ключицы, руки и ноги — это норма наша была.

По-настоящему худо мне было единожды, когда Серега гантель со второго этажа скинул, а на нижней ступеньке младшая годовалая сидела. Рядом гантель пролетела.

И вот он сейчас. Приходит после работы почти каждый день — вроде бабушке помочь. А на самом деле дома себя почувствовать. Окна пере-

Неповзрослевший. Ранимая душа и неумное самосомнение.

Ну, Рыжий он и есть Рыжий!

Какой он на самом деле? Разный. И довольно часто не укладывающийся в то понимание «правильного», которое сложилось у нас. Не получилось втянуть в свой образ жизни. Оттого нет и спокойствия. Сделать ничего нельзя, помочь сложно. Ничего не делать тоже сложно.

И остается только меняться самим в своем отношении к нему. И обеспечивать тыл, чтобы в необузданной борьбе с жизнью ему было, куда на время отступить.

Это несложно.

Высокий темп нашей жизни смял много иллюзий, заставил нас выделять главное и действовать в соответствии. Многое перешло с уровня неразрешимых проблем на уровень вполне решаемых задач. Можем не суетиться и не пасти детей по мелочам, а видеть следующий шаг и помогать по существу.

Часто меняет работу? Когда-то его постоянство ограничивалось лишь несколькими минутами. И ведь содержит себя!

Спускает последние деньги на друзей и потом прибегает занять? Ранняя ущемленность даром не проходит, и хорошо, что он нашел вполне социальные компенсаторные механизмы. И ведь занятое исправно отдает!

Путь нотаций и переживаний не оправдывает себя. Когда-то требовалось проговаривать пол-

мост, полы, подъезд почистит, прикрутит чего-нибудь, до чего обычно руки не доходят, по телефону потреплется, за компьютером, телевизор посмотрит. Ну ладно, бабуля, я пошел! Мам, пока! Пап, пока!

Рыжий работает. Кроме себя, еще друга какого-то бестолкового содержит и девочке своей денежку подкидывает. Да и брату помогает, хоть тот и старше, и умом пошире. Доверчивый. Неунывающий. Благодарный.

Ну, Рыжий он и есть Рыжий!

Пока жил в общежитии, таскал из дома продукты рюкзаками. Все на друзей-товарищей уходило. Но дружба — не ресурс: друзья всегда новые, быстро теряются, как и девушки.

Устроиться по специальности не получилось — работа нужна только тогда, когда требуются деньги. А это значит — через каждые два-три месяца новая работа. С начальством огрызается, нахамить может.

Все вокруг должны учитывать его интересы, прощать его ошибки, жертвовать своими выгодами — иначе обидно... Нестабильный. Мечущийся.

новый алгоритм выноса мусора, чтобы он не был рассован по соседским почтовым ящикам; вместе измерять пропускную способность канализационной трубы, чтобы в унитаз не спускались игрушки; строить и перестраивать спортивный уголок, чтобы беганье по стенам не становилось головной болью соседей; оборудовать мастерскую... Сейчас другие «чтобы». И с большей их частью он уже способен справиться сам. И это наше совместное достижение. И это наша общая песня.

Ненужное отмерло. Гармония с собой и миром — это благо! Спасибо за это детям. И Рыжему...

Переломный момент истории

Г. Э. Бурбулис, биографическая справка

- в 1989 году был избран народным депутатом СССР;
- с 19 июля 1991 года по 8 мая 1992 года государственный секретарь России — секретарь Государственного совета при президенте;
- с марта 1992 года — заместитель председателя Президентского консультативного совета;
- в 1993 и 1995 годах избирался депутатом Государственной Думы;
- с ноября 2001 года — член Совета Федерации, представитель администрации Новгородской области в Совете Федерации, председатель Комиссии Совета Федерации по методологии реализации конституционных полномочий Совета Федерации

— Геннадий Эдуардович, вам пришлось работать с первым президентом в самое переломное для России время. Расскажите о нем.

— Борис Ельцин, как слоеный пирог, состоял из разных личностей, и потому суммарные последствия его деятельности противоречивы. Его нельзя оценивать вне исторического контекста. В то время интеллектуалы освобождались от духовного гнета, который давил нас во времена господства КПСС. Партийный босс Ельцин освобождался от собственных предубеждений и помогал освободиться другим — каждому от своих.

В конце 1980-х — начале 1990-х годов политик-актер был востребован, тем более политик с такой волевой харизматической подосновой, как у Ельцина. И только позже стало понятно, что на самом деле нужен навык будничной, а не рекламной, не телевизионной работы — по существу государственного управления. После избрания его председателем Верховного Совета быстро выяснилось, что кропотливая законодательная деятельность Борису Николаевичу не по вкусу. Он искал иные формы влияния на раз-

Интервью с Геннадием Эдуардовичем Бурбулисом

витие событий. Адекватным для него было президентство. Это не значит, что ему нужна была абсолютная власть, хватало виртуальной возможности когда-то ею воспользоваться.

Хотел бы подчеркнуть, что, как никто другой, Ельцин умел сливаться с толпой, умел просчитывать ее своей звериной интуицией и потом заставлял входить в резонанс с собой.

Когда митинговый энтузиазм прошел, началась кристаллизация различий. Ведь свобода есть испытание, мучительный выбор. А культура Бориса Николаевича мучительного выбора не предусматривала. Для него: чем сложнее и многофакторнее проблема, тем она никчемнее. Раз так, то надо ее упростить — опростить — «однозначить» и таким образом подстроиться под настроения людей.

Меня как-то насторожила его фраза о том, что, если люди тянутся к стабильности, то он обязан с этим считаться. Я стал доказывать, что существует разница между желанием людей иметь устойчивую, полноценную жизнь и их нежеланием добиваться этой устойчивости старыми методами, методами государственной опеки, подачек начальников. Но Борис Николаевич не воспринимал мои доводы.

Ельцин был не злопамятным, скорее всепамятным. Его феноменальная память известна многим. Он пре-

красно помнил цифры и с их помощью доказывал свою правоту. И свои идеи генерировал, и чужие аккумулировал. Вопрос в том, какие, какой глубины и какого масштаба.

— Работать с ним было непросто? Как сказывались его властный характер и партийная закалка?

— Партийная закалка проявлялась в том, что Борис Николаевич умел выявлять сущность явления, и в том, что многие вопросы он решал по прихоти, любил показать, кто в доме хозяин. Скажем, полгода тщательно готовится визит, все спорные вопросы выстраданы, все взаимные уступки оговорены. Вдруг из желания продемонстрировать свою волю он царственным жестом идет на неоправданные уступки, сводя на нет усилия многих людей и нанося ущерб интересам государства. Характерный пример такого поведе-

ния — переговоры с поляками во время визита Леха Валенсы в 1992 году. Тогда только вводились в практику встречи в формате «один на один». Встречаясь с Валенсой, Ельцин объявлял решения, которые не совпадали с предварительными многомесячными проработками и не отвечали нашим интересам.

Из желания покрасоваться, показать, какой он всесильный, он мог на капоте трактора подписать указ о финансировании неизвестного никому заказа, неизвестно из каких ресурсов и с какими последствиями.

Но если бы не властный характер Ельцина, то не было бы известного фото на танке, на фоне Белого дома. Во время путча мы с ним приехали в Белый дом и пытались разобраться, что происходит в стране. Вскоре доложили, что к зданию подтягивается танковая бригада. Это путчисты хотели нас заблокировать. Ситуация абсолютно нестандартная. Как себя вести? Мы сидим в кабинете у Бориса Николаевича, вдруг заходит Коржаков и объявляет, что танкисты вышли из танков и разговаривают с прохожими. Они не понимают, куда их послали и зачем. У Ельцина моментально возникла идея лично пообщаться с танкистами. Я возражал. С балкона мы посмотрели, что же там происходит. Он утвердился в том, что пойти туда надо. Я до последнего был против.

И уже через полчаса по всему миру полетели кадры: Ельцин и все мы на танке, он зачитывает свое обращение к российскому народу. На танке, который приехал его блокировать и физически изолировать!

— Почему Ельцин не создал партию?

— Борис Николаевич испытывал восторг и ликование от тех перспектив, которые открывались перед новой Россией. Свободной. Демократической. Поэтому он не рискнул создать проправительственную партию, опасаясь, что ее могут сравнить с Коммунистической. Он говорил, что выбран всенародно и не может отталкивать от себя избирателей, а ужас от КПСС был еще силен в памяти многих.

Я пытался убедить его в том, что нам все же необходима партия, которая обеспечила бы мост между президентом и народом.

Ведь доверие, уважение, народная любовь к президенту будут угасать, особенно в силу тех крайне сложных задач, которые предстояло решать правительству. Но он уходил от подобных разговоров.

По-моему, это была ошибка Ельцина и всех нас. Мы лишили свою работу важной поддержки. Многие эмоции, второй освободительный пыл действительно прошли. Испытания новыми экономическими условиями сильно затронули людей. А посредников между ними и новой властью, которая получила разрушенную государственную машину и опустошенную экономику, но стремилась эти проблемы решать, не было. Они долго создавались. К сожалению, в хорошем виде их нет и по сей день. Я не имею в виду такую партию, как «Единая Россия». Мы должны были сделать что-то более подходящее.

— Геннадий Эдуардович, расскажите о предыстории правительства реформ.

— Декларация о суверенитете России была принята 12 июня 1990 года, а 15 июня российское правительство — Совет Министров РСФСР — возглавил Иван Силаев. В течение следующего года оно продемонстрировало свою вопиющую недееспособность. И это неудивительно, ведь в отличие от остальных союзных республик РСФСР имела самые ничтожные полномочия в сфере управления. Из народного хозяйственного комплекса, который располагался на территории России, Совет Министров управлял лишь 7 процентами предприятий. Все остальное принадлежало союзным структурам.

После избрания 12 июня 1991 года Ельцина Президентом РСФСР остро встал вопрос об управлении республи-

кой. В никчемной и малопродуктивной системе якобы исполнительной власти, доставшейся нам от Советского Союза, предстояло найти новые инструменты, в том числе управленческие. Мы ощущали ответственность за положение дел в России в целом, в ее регионах и отраслях. И осознавали масштаб этой ответственности.

Была реальная угроза неуправляемости и голода. Страна была разорена, мы получили в наследство опустошенную экономику. Перед нами стояла в высшей степени практическая задача: чем каждый день кормить людей, чем отапливать жилища, как сохранить элементарные межхозяйственные связи. И это при том, что сложилась конституционно-правовая неопределенность, обострилось противостояние между исполнительной и законодательной властью, отсутствовали дееспособные структуры правопорядка.

Стала очевидной потребность в новой структуре, в рамках которой можно было бы оценить и осмыслить реальную ситуацию в стране, организовать проработку идей, стратегических предложений и программы на ближайшую перспективу.

Поэтому уже в июле 1991 года Ельцин своим указом образовал не предусмотренный Конституцией Государственный совет РСФСР при президенте и поручил ему подготовить предложения по экономическому будущему новой России. 19 июля я стал секретарем Госсовета. В него вошли девять наиболее энергичных и прогрессивных министров Совмина (министры обороны, финансов, иностранных дел, печати и средств массовой информации, образования, юстиции и другие) и шесть государственных советников. Создание Госсовета позволило Ельцину установить непосредственный контроль над Советом Министров и сориентироваться в реальном положении дел в РСФСР.

Убедить Силаева в необходимости преобразовать Совет Министров особой трудности не представляло, тем более что он не был уверен в том, что реформы в принципе возможны. Мы были признательны Ивану Степановичу за то, что он обеспечил мягкий переход от прежнего правительства к кабинету реформ. 26 сентября 1991 года он возглавил Межреспубликанский экономический комитет.

Мы взялись за работу при активном участии Ельцина. Путч обострил нашу сверхзадачу, сделал ее неотложной и в высшей степени востребованной. Предстояло разработать комплексную стратегию выживания — преобразования в единстве политических, политико-правовых, социальных и экономических реформ в России.

Уже в сентябре группа Гайдара предложила программу-концепцию, в

Вопросы молодых

— Почему население союзных республик в 1991 году высказалось за роспуск СССР?

Секретари ЦК КПСС контролировали все, что происходит в национальных республиках, очень просто: на руководящую должность мог быть назначен представитель коренной национальности, но его заместителем ставился обычно русский. И без визы такого заместителя приказы его руководителя не выпускались. Национальной бюрократии это было поперек горла. И это понятно: как реагировали бы сегодня российские чиновники на то, что их «замами с решающим голосом» назначались бы, скажем, китайцы? Неудивительно, что как только угроза репрессий со стороны КГБ ослабла, национальные элиты, а за ними и народы республик потребовали независимости. Тем более что право на самоопределение гарантировалось Конституцией СССР.

Сыграл свою роль и тяжелейший экономический кризис. Колхозы из-за своей неэффективности не могли прокормить страну; зерно и мясо закупались за рубежом на доходы от продажи нефти. Когда из-за падения мировых цен на нефть валютные ресурсы резко сократились и стране стал реально грозить голод, республики решили, что им проще было бы решать проблемы самостоятельно. События в Тбилиси, Вильнюсе, Риге показали, что силой разбегание республик уже не остановишь. СССР распался.

основе которой лежали неотложные меры по экономической стабилизации. В ней была заложена идея опасности расплывчатого отношения к системе бывшего Союза, зафиксирована угроза обвала рубля при множественности источников печатания денег и угроза вымывания последних ресурсов, которые нам достались в наследство, без каких-либо стимулов для их воспроизводства. То есть то, с чем страна столкнулась практически уже в ноябре 1991 года. В этой концепции стратегия, долговременные и неотложные задачи подкреплялись правовой конструкцией, проектами нормативных актов.

— Сложно ли было убедить президента решиться на эксперимент с командой Гайдара в качестве экономического ядра нового правительства?

— 24 сентября я поехал в Сочи, в Бочаров Ручей, где находился Ельцин, имея обсужденный на Госсовете документ, в котором анализировалась чрезвычайная ситуация в стране и были сформулированы неотложные предложения, в том числе экономическая программа, подготовленная группой Гайдара. В течение недели мы с Борисом Николаевичем обсуждали каждый тезис, каждый пункт этого документа, многократно возвращаясь к оценке сложившейся ситуации и тем губительным последствиям, которые могут наступить, если ничего не делать или на неопределенное время откладывать ответственные решения.

Ему нужно было решить для себя: еще подождать, когда кто-то принесет более удобный план, и не потребуются идти на столь кардинальные меры, или согласиться, что каждый день промедления — это потеря реальной перспективы с непредсказуемыми последствиями. Эта тяжелейшая внутренняя работа потребовала от Ельцина мужества, мудрости и интуиции выдающегося политического лидера, которыми он в тот момент обладал. Он и все мы понимали, что на нем лежала личная ответственность за этот выбор.

Когда Борис Николаевич согласился с основными идеями, встал вопрос: кто их реализует? Я предложил, чтобы это делали специалисты, подготовившие концепцию. Мы договорились, что он познакомится с Егором Гайдаром, когда вернется в Москву. Встреча состоялась в начале октября.

Ельцин удивился молодости Гайдара, но не менее удивился его способности четко, ясно и наглядно объяснять задачи и идеи. Причем фундаментально новые задачи и принципиально новые идеи. Это импонировало Борису Николаевичу, мышление которого было ориентировано на предельную ясность. При своеобразной структуре речи он мыслил предметно и конкрет-

но. Он убедился, что у Гайдара нет колебаний между идеями и тем, как их воплощать, увидел спокойную уверенность человека, который готов это делать.

Зная Ельцина, могу сказать, что на его окончательное решение в пользу команды Гайдара повлияли профессиональная ясность, человеческая волевая определенность и убедительная прагматичность позиции Егора Тимуровича. Вместе с тем безусловное значение имело и то, что Ельцин увидел в Гайдаре человека, представлявшего уникальную историко-культурную основу новой России. Один его дедушка — сказочник Павел Бажов, олицетворял веру в народную гармонию природы, человека, доброты, да еще и с уральской закваской. Это было сильным стимулом. Другой дедушка — Аркадий Гайдар, писатель-романтик советской истории, создавший широко известный педагогический образ Тимура и его команды. Здесь уже колорит советского, большевистского романтизма, пафос мечтателей и преобразователей. В Ельцине это тоже было очень живуче.

В конечном счете редкое сочетание в Егоре Тимуровиче личного обаяния и молодости, сказочно-романтической родословной, профессиональной уверенности в своей позиции и способности отстаивать ее, невзирая на авторитеты, стало для Ельцина определяющим в этом историческом решении.

— Гайдар со своей командой не только подготовил основные положения экономического раздела доклада президента, с которым Ельцин выступил на V Съезде народных депутатов РСФСР 28 октября 1991 года, но и получил все полномочия по формированию экономического блока правительства.

— V Съезд оценил ситуацию как чрезвычайную, А из чрезвычайной ситуации и выход должен быть неординарным. В докладе были тезисы о том, что реформы, которые мы вынуждены предпринимать, предполагают изменение не только экономического уклада, но и общественного строя в России, абсолютно новую систему ценностей.

Съезд народных депутатов как высший законодательный орган РСФСР подавляющим большинством голосов (876 — за, 16 — против) предоставил Ельцину чрезвычайные полномочия, в том числе совмещение должностей президента и главы правительства. Эта конструкция давала право Ельцину издавать указы, приравненные к законам, что было чрезвычайно актуально для оперативного принятия жизненно важных решений и их конкретности в условиях реальной угрозы кровавого передела советского на-

следства, голода в городах и регионах страны.

— 8 декабря 1991 года лидеры России, Украины и Белоруссии подписали Соглашение о создании Содружества Независимых Государств, заявили о прекращении существования СССР. С тех пор оценка этих событий остается крайне противоречивой. Как охарактеризуете их вы — непосредственный участник тех событий?

— Никто из нас ни тогда не испытывал, ни сейчас не испытывает ликования и злорадного восторга от того, что произошло. Понятны переживания, человеческие драмы и трагедии многих людей, последовавшие за этим решением. Но мы его принимали вынужденно. Исторически и содержа-

опасные, катастрофические и неуправляемые формы. Решение заключить Соглашение о создании Содружества Независимых Государств позволило сделать этот распад максимально контролируемым и регулируемым, убереечь нас от более зловещих и менее предсказуемых форм с катастрофическими последствиями, от гражданской войны с участием извне различных заинтересованных сил.

— Российскую делегацию часто обвиняют в том, что в Минск вы поехали с готовыми документами, и не было даже намеков на переговоры.

— Это не так. С осени 1990 года мы ввели практику двусторонних договоров между республиками, они должны были договариваться *между собой*. Горбачев был против. Он считал, что республики должны договариваться *только через союзный центр*. Ельцин и все мы, кто этим занимался, видели в двусторонних договорах огромный смысл: тем самым нарабатывались бы реальные инструменты нового союзного договора.

Однако 1 декабря 1990 года Украина провела выборы президента и референдум, на котором 90 процентов его участников высказалось за независимость, а 5 декабря Верховный Совет Украины постановил, что Договор об образовании СССР 1922 года утратил юридическую силу. Ситуация стала абсолютно прозрачной. Нужно было что-то предпринимать, любыми способами убедить вновь избранного президента Леонида Кравчука сохранить отношения суверенной Украины с другими республиками в рамках Союза. Ельцин был одним из самых отчаянных сторонников этой идеи. Именно эта задача собрала нас 8 декабря под Минском.

Кравчук целые сутки безоговорочно отрицал такую возможность. Ведь они всё сделали в соответствии с законом, правильно, гуманно, толерантно. В Конституции СССР было записано, что каждая союзная республика имеет право на самоопределение, вплоть до выхода из Союза. Референдум показал, что украинцы исключали какие-либо сюжеты в рамках новогайдаровского процесса, который к тому времени совершенно зашел в тупик. Стало ясно, что юридически, экономически и политически мы имеем дело с ситуацией реального распада Советского Союза. И другие республики уже имели полноценные юридические решения о суверенитете. Национальные элиты

были готовы к государственной самостоятельности.

Ельцин упорно и настойчиво требовал найти приемлемый выход, корректную юридическую форму. В течение суток родилась идея конструкции Содружества Независимых Государств. И началась интенсивная работа над текстом будущего соглашения. Документы писались там же, хотя, естественно, определенные соображения у нас уже были. Юридическую часть курировал Сергей Шахрай, переходы в сфере сложных экономических отношений — Егор Гайдар, собственно дипломатический язык — Андрей Козырев и наши эксперты-помощники.

Созданная конструкция обеспечила корректную правовую форму плавного перехода бывших союзных республик в новое качество, позволила уберечь всех нас от более зловещих и менее предсказуемых форм распада с катастрофическими последствиями и оказалась жизнеспособной.

Важно, что Соглашение о создании СНГ практически моментально и единодушно поддержали и ратифицировали парламенты 11 республик. В Белоруссии и Украине оно вступило в силу уже 10 декабря, Верховный Совет РСФСР ратифицировал его 12 декабря. А 21 декабря в Алма-Ате СНГ приобрело еще восемь членов. Это опровергает бытующие наивные представления о том, будто воля нескольких политиков в одночасье смогла разрушить гигантскую страну в ее неуязвимом величии.

Поэтому те, кто ищут того единственного виновного в «развале Советского Союза», должны понимать, что такие обвинения следует предъявлять в первую очередь доблестной КПСС и ее разрушительному режиму, который довел страну до катастрофической ситуации, депутатам Верховного Совета и самому народу, который делегировал права депутатам и президенту.

Беседу провел Петр Филиппов, сентябрь 2010 года

Вопросы молодых

— Конституция СССР была настоящим гимном народовластию. Но в жизни все было по-иному... Кто же и как в стране принимал решения, кто был реальной властью?

Реальной властью были партийные комитеты, точнее, их секретари. Хотя по уставу партии парткомы избирались «снизу» — делегатами партийных съездов и конференций, фактически их состав определялся «сверху» — вышестоящими партийными комитетами. Поэтому в свое время Сталин всех своих оппонентов на руководящих постах смог так легко заменить своими ставленниками. Потом то же делали Хрущев, Брежнев, Горбачев. Причем это касалось не только парткомов, но и министерств, и заводов и фабрик. Естественно, что для назначенных сверху руководителей главным было угодить «хозяину», чаяния народа их волновали мало. Скреплялась эта партийная вертикаль страхом перед репрессиями.

Что же касается Советов, они были всего лишь декорацией. Верховный Совет собирался на несколько дней в году, и депутаты поднятием рук утверждали любой подготовленный партийными чиновниками закон. Советы не были местом для дискуссий, депутаты поправки в законы не вносили. Впрочем, многое делалось скорее не по закону, а в соответствии с указаниями министерств и ведомств.

Беловежские соглашения были необходимой юридической и политической формой, которая закрепила объективный и неизбежный распад Советского Союза в том его зловещем образовании, каким было коммунистическое тоталитарное государство. К тому времени СССР фактически распался, советское руководство ничего не решало.

Мы оказались той группой людей, которая приняла на себя ответственность за юридическое и политическое оформление уже случившегося. От нас требовались мужество и мудрость, чтобы в этой ситуации не допустить худшего. Распад приобрел

Растить вместе со своими детьми

Николь Приер

Французский психолог, автор нескольких книг, Николь Приер работает с детьми, подростками и — очень часто — с их родителями, исходя из того, что во многих случаях проблемы ребенка коренятся в характере, стиле жизни или взаимоотношениях взрослых, и, следовательно, ребенку не удастся помочь, пока не начали «перестраиваться» родители. У самой Николь Приер трое сыновей и внуки. О себе она пишет, что не принадлежит ни к одной научной школе. Книга Приер — не очередное «методическое пособие для родителей» с готовыми рекомендациями, а сборник историй из собственной практики и выдержек из бесед со взрослыми, снабженных комментариями автора. Читатель сталкивается с самыми разнообразными случаями. Но Николь Приер не дает стандартных советов (в тексте объясняется, почему она их не любит), а выражает надежду, что взрослые узнают себя в тех или иных персонажах и примут к сведению авторские «подсказки» (не директивы, а лишь информацию к размышлению).

Слово «растить» в заглавии книги имеет несколько значений. Во-первых, «растить» значит освобождаться от пугливого, закомплексованного «внутреннего ребенка», который прячется в душах многих взрослых. Во-вторых, приспосабливаться к изменениям во внешнем мире, который нашим детям понятен с раннего возраста, а нами иногда воспринимается с трудом. Наконец, расти и подниматься духовно. Как показано в книге, ко всем этим переменам часто побуждают нас дети. Поэтому в конце автор и делает вывод: «Воспитание детей дает нам возможность заново строить и открывать себя».

Неизбежные противоречия

Чуть ли не каждый день мы сталкиваемся с поведением детей, которое ставит нас в тупик, и не знаем, как реагировать.

— Ну что мне делать? Гийом все время возражает, не слушается, дерзит, и я не представляю, как ему отвечать. Никогда в жизни я бы не посмел так разговаривать с отцом, — жалуется Оливье.

Патрисия тоже в растерянности. «Как-то утром я зашла в комнату дочери и увидела, что она в постели не одна, а с другом. И он нисколько не смутился! Зато мне стало страшно неловко, и я пробормотала какое-то извинение. Разве это нормально? В ее возрасте я так боялась родителей, что даже не решалась приводить мальчиков домой».

У Лилианы своя забота. «На днях моя пятилетняя Люси спросила: «Когда ты наконец прогонишь Патрика? Он же с тобой так плохо обращается, грубит». Я сама в детстве страдала от родительских ссор, но никогда не решалась и слова сказать. Выходит, дочка умнее меня? Но разве можно позволять ей вмешиваться в мою жизнь?»

— Мне приходится работать, иначе нам с сыном не на что будет жить, — говорит Фредерика. — Боюсь только, что уделяю ему слишком мало времени. Не так, как моя мама, она-то всю жизнь сидела дома.

Мы невольно вспоминаем о том, как сами вели себя в детстве, как нас воспитывали родители. И в то же время понимаем, что сейчас эти модели непригодны. Наши дети совсем другие, не такие, как мы когда-то. Тот же Оливье, отец Гийома, успокоившись, продолжает: «Я иногда даже завидую сыну, что он такой раскованный. Я-то в его возрасте был ужасно робким и замкнутым». Как знать, может быть, Оливье в душе бессознательно поощрял сыновний протест, на который сам не мог решиться?

Патрисия: «Я бы не хотела, чтобы дочка повторила мою ошибку. Я вышла замуж совсем неопытной, жениха почти не знала. И ничего хорошего из нашего брака не получилось». И тут дочь воплотила в жизнь мечту о недоступной матери свободе?

Слова Фредерики: «Даже будь у меня материальная возможность, я не могла бы жить так, как мама. Она себя не реализовала, всем пожертвовала ради семьи. А последнее слово все равно оставалось за отцом. Я бы такого не потерпела!» Верно, но, зная Фредерику, я догадываюсь, что ее гложет чувство вины. У маленького Антони астма; если бы Фредерика как-то иначе организовала свою жизнь и уделяла сыну больше внимания, как матери семейства когда-то, может, ему стало бы лучше?

Так живут многие родители — стараясь идти в ногу с веком и одновременно возвращаясь мыслями к собственному детству.

Еще никому не удавалось с легкостью отрешиться от своего прошлого.

Доминике, тридцати восьми лет, сейчас очень трудно. Ее дочка Сесиль, вступив в переходный возраст, стала прямо-таки неуправляемой, ведет себя с матерью агрессивно. Как этому противостоять?

Прошу Доминику рассказать о себе. Она была младшей, к тому же единственной девочкой в семье из пяти детей. Братья, шумные и беспокойные, доставляли родителям немало хлопот. Доминика инстинктивно выбрала роль благоразумного послушного ребенка, в котором отец с матерью души не чаяли. Ни разу в жизни она не вступила с ними в конфликт и всегда просила только о том, в чем, как она знала, ей не откажут.

Так продолжалось и дальше: Доминика жила исключительно интересами других, что представлялось ей самой вполне естественным. Мужа это тоже устраивало.

Но по мере того как Сесиль подрастала и у нее появлялись всё новые и новые желания, Доминика начала смутно ощущать, что и у нее тоже могут быть свои собственные потребности. Только вот какие? Доминика настолько привыкла угождать окружающим, что была не в состоянии разобраться в самой себе.

Между тем повзрослевшая Сесиль поняла, что у матери нет собственного «я» и она живет в подчинении у других. Ни за что на свете Сесиль не хочет походить на эту, по ее суждению, «слишком покорную» женщину, целиком утратившую уважение дочери.

Доминика, от природы человек умный и тонкий, сумела осознать все это. Постепенно она стала проявлять волю, настаивать на своем, говорить «нет». Теперь уже ей самой хочется освободиться от «образцового ребенка», который, притаившись в глубине души, до сих пор руководил всеми ее поступками.

Когда дети становятся старше, у нас появляется больше времени для себя, для реализации собственных желаний. Но одновременно поведение подростков иногда вынуждает к пересмотру наших моральных ценностей, стиля жизни или взаимоотношений. Так дети заставляют нас меняться, хотя без предвзвешенной подготовки это подчас бывает очень трудно. Но иначе мы рискуем утратить самоуважение. Поэтому скажем «спасибо» непокорным детям!

Постараемся изменить себя, но откажемся от ложной надежды «перевоспитать» спутника жизни

Жан изумлен: его старший сын Гийом очень похож на него и внешностью, и характером, сейчас у них прекрасные отношения, хотя Жан, по собственному признанию, фактически им не занимался.

Это невнимание всегда выводило из себя Шанталь. Сколько времени она потратила, проверяя уроки сына, но он почему-то об этом забыл. Зато прекрасно помнит об одном-единственном диктанте, который писал с отцом.

Жан и Шанталь поженились очень молодыми. Жан не возражал против ребенка, но никогда не желал его так горячо, как Шанталь.

Детство Шанталь было счастливым и беззаботным. Она росла в большой дружной семье, где все любили и

поддерживали друг друга. У Жана сохранились совсем другие воспоминания — немолдые родители, депрессивная, вечно недовольная мать, робкий слабовольный отец. Ни друг друга, ни сына они скорее всего не любили.

Жана постоянно гложет тревога. Он убежден, что никогда не обретет счастья и душевного покоя.

Новорожденный Гийом фактически становится его соперником, Жан ревнует к нему Шанталь. Почему жена столько времени и любви уделяет сыну в ущерб мужу?

Шанталь разрывается между ними двумя. Она вышла на работу, на ней ребенок, дом, хозяйство. При этом надо оставаться привлекательной, постоянно улыбаться и по возможности не болеть. Словом, классическая ситуация...

Тем не менее в семье сохраняются хорошие отношения. Шанталь понимает страдания Жана, старается утешить и ободрить его. Они много беседуют. Иногда между ними случаются неприятные сцены, но бывают и счастливые минуты. Однако Жан по-прежнему держится в стороне от сына.

Шанталь снова забеременела. Это не было запланировано, и Жан решительно заявляет, что не готов к рождению второго ребенка. Не желая принуждать мужа, Шанталь соглашается на аборт. Но потом глубоко страдает и не скрывает этого.

Проходит несколько месяцев. Жан наконец понял душевные муки жены. Через год на свет появляется Наташа.

На сей раз Жан искренне стремится помочь жене, но... не может. После периода бесплодных попыток он с головой уходит в работу и еще меньше, чем раньше, бывает дома. В конце концов Шанталь теряет терпение и высказывает все, что наболело. Она тоже на ответственной должности, на ней дети, все домашние и прочие заботы, а Жан только требует и ничего не делает. Слишком легко постоянно отговариваться психологическими проблемами! Она не супервумен, у нее тоже иногда руки опускаются. И потом детям нужен отец, а не какой-то летучий призрак!

Жан как будто понял. Теперь он время от времени гуляет или ездит куда-то с детьми. Правда, случается и такое: пообещав им очередную прогулку, он спохватывается, что это время у него уже занято. Тогда Шанталь требует тут же назначить другой день.

Но все-таки настоящего присутствия отца в доме не чувствуется. Шанталь приходится успевать повсюду. «А как же иначе? Если я не буду водить их на спортивные занятия, им придется бросить спорт. Если я попро-

шу Жана проверять уроки, на домашних заданиях можно ставить крест. Я уж не говорю о родительских собраниях... Он даже учителей не знает. А не дай бог плохая отметка, первый орет, как сумасшедший».

Увы, картина весьма привычная, хотя от этого не легче. Но Шанталь терпит... Скорее всего потому, что у них с Жаном имеются общие интересы, им есть о чем поговорить, иногда они проводят время вдвоем, без детей. Шанталь знает, что муж ценит ее женскую привлекательность; видимо, это ей льстит и помогает переносить его недостатки как отца.

Шанталь никогда не упрекает Жана при детях, а говоря с ними, не критикует его. Наоборот, она старается упоминать об отце в положительном контексте. Например, на каникулах, которые они проводят втроем, Шанталь, купив цветочные семена, объясняет: «Это для папы, он давно хотел посадить такие цветы у нас в саду».

Но, несмотря на все ее усилия, дети относятся к отцу как к чужому. Гийом, нервный тревожный мальчик, побаивается его. У Наташи страха нет, но она долго страдала недержанием мочи.

Со временем Жан успокаивается, обретает некое подобие внутреннего мира. Он как будто начинает больше интересоваться детьми, предлагает перевести их в частную школу и находит убедительные для Шанталь аргументы.

Но на этом его участие в жизни семьи снова кончается. Между тем Гийом вступает в переходный возраст, внимание отца ему особенно необходимо. Однако к увещаниям Шанталь Жан по-прежнему остается глух.

Шанталь видит, что слова не действуют. И принимает решение: теперь каждую субботу во второй половине дня она будет заниматься исключительно собой. Ужин, досуг детей, заданные на уик-энд уроки — все это теперь забота Жана.

Сказано — сделано. Для семьи это начало революции

Идея Шанталь вызывает изумление. Впрочем, Жан не уверен, что решимости жены хватит надолго, — может, скоро все опять пойдет по-старому. Но Шанталь проявляет твердость.

Жана особенно волнуют школьные успехи детей. Волей-неволей он начинает проверять у них уроки. Конечно, вначале не обходится без Наташин слез, протестов Гийома, беспокорства Шанталь, супружеских сцен.

Но Шанталь поняла: чтобы их жизнь изменилась, она должна пойти на риск и измениться сама.

Браво! Перемены приходят через поступки. Вести диалог и понимать друг друга недостаточно. Чем больше Шанталь понимала Жана, тем меньше прислушивалась к собственным потребностям и желаниям.

Почему она решилась только сейчас? Хотела уберечь детей от отцовского гнева и тревоги? Боялась, что непосредственное общение с отцом плохо на них подействует?

Так или иначе, она больше не задается этими вопросами. Отец делает, что может, пусть даже совсем не так, как она. Шанталь ничего не проверяет, ничего не хочет знать. Она просто радуется, что теперь у нее есть время для себя. Наконец-то!

Взаимоотношения мужа и жены — это одно, родительские обязанности — совсем другое. И пусть мать не обвиняет себя в том, что ее дети не соответствуют идеалу образцового ребенка — спокойного, открытого, сообразительного, благоразумного (но не слишком!), одним словом, совершенного. Такие персонажи даже в книгах редко встречаются.

У Гийома сохраняется тревожность, Наташа не всегда спокойна и ровна в обращении. Но зато эти дети обогатились бесценным опытом. Они на себе почувствовали, что в жизни могут случаться неожиданные перемены и в этом нет ничего страшного, ко всему можно приспособиться. Вспомните начало этой истории. Благодаря контактам, «навязанным» матерью, отец и сын обнаружили, что у них много общего, и сблизилась. И все потому, что, отчаявшись убедить мужа словами, жена сказала «стоп» и проявила собственную инициативу.

Тут важно и другое. Долгие годы Шанталь утешала и поддерживала Жана. Жан зависел от нее, но и сама Шанталь, привыкнув к этой зависимости, стала нуждаться в ней. Сознать, что другой без тебя не может, — уже одно это придает жизни смысл.

В сущности, делая что-то для другого, мы проявляем над ним некую власть. У Шанталь возникла потребность отказаться от этой власти, от зависимости, которую вызывала у нее зависимость Жана. Жить своей собственной жизнью и брать на себя переживания других лишь тогда, когда захочет сама.

Я предлагаю навеки похоронить иллюзию, которая столь часто встречается в совместной жизни. Мы считаем, что силой своей любви или дружбы можем заставить другого измениться в лучшую сторону. Нет, пока мы пассивно ждем, ничего не произойдет.

Позаботимся прежде всего о собственном моральном благополучии. Как знать, может быть, это побудит другого последовать нашему примеру.

(Окончание в следующем номере)

Введение
и перевод
с французского
И. Дмоховской
(Париж)

Майн Рид, кумир российских гимназистов

Мариэтта Чудакова

1.

Сегодня в России юные читатели о Майн Риде узнают, пожалуй, из Чехова. Его рассказ «Мальчики» (он начинается запоминающимися фразами: «— Володя приехал! — крикнул кто-то на дворе. — Володичка приехали! — завопила Наталья, вбегая в столовую. — Ах, Боже мой!») читают (в тех семьях, где читают) обычно раньше, чем романы Майн Рида.

Второклассник-гимназист привез с собой на каникулы товарища, и тот глубоко поражает своим поведением Володиных сестер: «Чечевицын весь день сторонился девочек и глядел на них исподлобья. После вечернего чая случилось, что его минут на пять оставили одного с девочками. Неловко было молчать. Он сурово кашлянул, потер правой ладонью левую руку, поглядел угрюмо на Катю и спросил:

— Вы читали Майн Рида?

— Нет, не читала... Послушайте, вы умеете на коньках кататься?»

Но Чечевицын, погруженный в свои мысли, Кате не отвечает.

«Он еще раз поднял глаза на Катю и сказал:

— Когда стадо бизонов бежит через пампасы, то дрожит земля, а в это время мустанги, испугавшись, брыкаются и ржут.

Чечевицын грустно улыбнулся и добавил:

— А также индейцы нападают на поезда. Но хуже всего — это москиты и термиты.

— А что это такое?

— Это вроде муравчиков, только с крыльями. Очень сильно кусаются. Знаете, кто?

— Господин Чечевицын.

— Нет. Я Монтигомо Ястребиный Коготь, вождь непобедимых».

Господин Чечевицын потому грустно улыбается, что он-то знает, кто он, и какова его дальнейшая судьба, а девочки этого не знают. Его жребий брошен — он со своим одноклассником, второклассником Володей (тогда в гимназию поступали обычно в девять лет — после приготовления класса, так что друзьям примерно по 10–11 лет), в ближайшие дни бежит в Америку. У них «уже все готово: пистолет, два ножа, сухари, увеличительное стекло для добывания огня, компас и четыре рубля денег».

Майн Рида активно стали издавать в русских переводах в 1860-е го-

ды. И в конце XIX — начале XX веков российские гимназисты, можно сказать, толпами бежали в Америку, начитавшись именно Майн Рида — пожалуй, он потеснил Фенимора Купера, пришедшего в Россию с его Кожаным Чулком (он же Великий Змей, Следопыт, Зверобой и так далее) немного раньше.

Будущий писатель родился в 1818 году в Ирландии. Он должен был стать, как и его отец, священником. Но этому препятствовал его воинственный темперамент: он мечтал о подвигах. В двадцать два года уехал в Америку. Был там профессиональным охотником; объехал все окраины Америки, насмотрелся на людей и на животных и начал писать...

Мне не очень-то удобно писать о личной жизни Майн Рида, обращаясь к подросткам. В его биографии есть щекотливые моменты. И меня уж точно обругают суровые к моим сочинениям женщины — детские критикессы — на этот раз за то, что я предлагаю вашему вниманию дурные и потому, возможно, заразные примеры.

Ну, была не была! Все-таки я решила не скрывать от своих юных читателей, что когда Майн Риду стукнуло тридцать один год, он влюбился — с первого взгляда! — в тринадцатилетнюю Элизабет Хайд... А когда той исполнилось пятнадцать — женился... И они прожили в любви и согласии тридцать пять лет — до его смерти. И сто с лишним лет спустя, в 1963 году, замечательный польский поэт и философ Чеслав Милош напишет, что она «была, как теперь видно, личностью незаурядной», поскольку именно ее книга 1890 года «Майн Рид, воспоминания о его жизни» «остается — тем более что монографий о Риде пока не написано — важнейшим источником информации» о нем.

«Мне было лет десять, когда я наткнулся на сундучок отцовских сокровищ, собранных им в гимназические годы. Он был набит томиками Майн Рида в русских переводах. Сражаясь с алфавитом (*напомню, что польский язык использует латиницу*. — М. Ч.), я читал подписи под картинками, это была моя первая русскоязычная книга», — рассказывает Чеслав Милош (перевод Бориса Дубина); в гимназические годы его отца Польша была частью России, юные поляки учились в русских гимназиях и читали так же и по-русски. «...Он околдовывал не только русских, но и польских читателей, и я помню себя,

бредущего из библиотеки вверх по виленской улице Мала Погулянка с книгой Рида под мышкой: рукав пережатого ремнем кобушка, серый зимний день, посередине улицы, лежа на животе и правая нога как рулем, несется вниз на санках ребята. Такие подробности обычно западают в память, если минуты, когда ими живешь, окрашены сильным чувством. От груза под мышкой сладко замирало сердце: это был заветный клад».

2.

Один из многочисленных романов Майн Рида «Затерянные в океане» начинается не с человека, а с птицы. Для этого романиста мир природы — животных, зверей, растений — совсем не второстепенен по сравнению с жизнью людей.

«Ширококрылый морской коршун, режущий над просторами Атлантического океана, вдруг замер, всматриваясь во что-то внизу. Внимание его привлек маленький плот, размером не больше обеденного стола. Два небольших корабельных бруса, две широкие доски с несколькими небрежно брошенными на них полотнищами парусины да две три доски поуже, связанные крест-накрест, — вот и весь плот.

И на таком гиблом суденышке ютятся двое людей: мужчина и юноша лет шестнадцати. Юноша, видимо, спит, растянувшись на куске мятой парусины. А мужчина стоит и, прикрыв глаза от солнца ладонью, напряженно всматривается в безбрежные дали океана.

У ног его валяются гандшпуг...»

Если кто не знает и нет под рукой словаря: гандшпуг, или аншпуг, — это рычаг для передвижения тяжестей на корабле.

«...Два лодочных весла, кусок просмоленного брезента, топор; ничего больше на плоту не увидишь даже зоркому глазу альбатроса».

Нельзя оторваться, читая, как люди с корабля, потерпевшего крушение, стремятся спастись.

А кто лучше Майн Рида расскажет об обитателях морских глубин?

«...Еще в самые давние времена, когда люди впервые стали плавать по морям и океанам, они с изумлением наблюдали одно явление... Рыба, существо, которому самой природой положено всегда пребывать в воде, выскакивает вдруг из глубин океана на поверхность и совершает прыжок чуть ли не с двухэтажный дом!..

Стайку долгопёров, поднявшихся в воздух, по ошибке легко принять за белокрылых птиц. Но сверкающий — особенно на солнце — блеск чешуи говорит о том, что перед нами рыбы.

Какое это очаровательное зрелище!.. Сколько раз долгие часы скуки, томящие пассажира корабля, когда он сидит на корме, неустанно глядя на бесконечное водное пространство, сразу сменялись веселым оживлением при виде стайки летучих рыб, внезапно, сверкая серебром, поднявшихся из глубин океана!»

Только представьте себе — сидишь себе на палубе океанского парохода — и вдруг летит стая рыб!

Да еще, оказывается, существуют разные их виды...

«Один из этих видов — летучка европейская — водится не только в умеренных и тропических частях Атлантического океана, но и в Средиземном море. Эта пятнисто-бурая рыба достигает полуметра в длину. Ее огромные грудные плавники с острыми лучами придают головатой рыбе странный вид: во время полета она выглядит колючей «растопырой».

Другой вид летучек — летучка восточная — живет в Индийском океане.

Выскакивая из воды, летучки пролетают до ста метров и опускаются на воду. Нужно сказать, что летают они тяжеломерно».

Ага, тяжеломерно!.. Сто метров над водой!

В романе Майн Рида матрос и пятнадцатилетний подросток должны погибнуть от голода и жажды — у них нет ни капли пресной воды.

Но тут он натывается в безбрежном океане — представьте себе! — на еще одну подобную парочку — с того же потонувшего парохода.

Это африканец, которого прозвали Снежок; он был невольником, потом стал свободным. Эпоха Майн

Рида — эпоха, когда из Африки в Америку еще возят людей, которых насильно сделали рабами. Сейчас слово «негр» употреблять не принято, потому что те, которых так называют, считают это слово обидным и просят называть их «темнокожими». Но Майн Рид — яростный противник любой дискриминации, в том числе расовой, — употребляет слово «негр», как Марк Твен, как многие другие американские и английские писатели той далекой эпохи, без всякого дурного намерения. И мы, конечно, не будем заменять это слово — ведь мы знаем, что мы, как и он, все равно не расисты.

Этот Снежок сумел спасти восьмилетнюю девочку, которую ему поручили отвезти в Америку. И вот он с маленькой девочкой на руках посреди океана — «на нескольких деревянных обломках, без еды, без капли питьевой воды. Ужасное положение, от которого самый мужественный человек может впасть в полное отчаяние!»

И дальше — весьма важные и интересные, по-моему, слова:

«Но Снежок не знал, что значит отчаиваться».

Не знал, да и все тут! Не получил, значит, нужной дозы отчаяния в детстве.

Это неплохо, согласитесь, — просто не знать, что такое отчаяние, страх... Не подавлять в себе эти очень плохие, недостойные мужчины чувства, а вообще их не знать!

И пошли приключения за приключениями...

3.

Роман «Всадник без головы», которым сто лет зачитывались все гимназисты, первой же фразой начинается, как и «Затерянные в океане», не с людей, а с животных. Описанных так, как другие писатели описывают людей. И даже лучше.

Но сразу вслед за этим — нечто страшное и таинственное...

«Техасский олень, дремавший в тиши ночной саванны, вздрагивает, услышав топот лошадиных копыт.

Он не покидает своего ложа, даже не встает на ноги. Не ему одному принадлежат эти просторы — дикие степные лошади тоже пасутся здесь по ночам. Он только слегка поднимает голову — над высокой травой показывается его рога — и слушает: не повторится ли звук?

Снова доносится топот копыт, но теперь они звучат иначе. Можно различить звон металла, удар стали о камень.

Этот звук, такой тревожный для оленя, вызывает быструю перемену в его поведении».

Поясним для тех, кто еще не понял: олень слышит звук подков!

Недалеко — лошадь. А значит — человек. То есть — скорее всего охотник с ружьем, несущим смерть.

«...Он стремительно вскакивает и мчится по прерии... В ясном лунном свете южной ночи олень узнает злейшего своего врага — человека. Человек приближается верхом на лошади.

Охваченный инстинктивным страхом, олень готов уже снова бежать; но что-то в облике всадника — что-то неестественное — приковывает его к месту.

Дрожа, он почти садится на задние ноги, поворачивает назад голову и продолжает смотреть — в его больших карих глазах отражаются страх и недоумение.

...Может быть, оленя испугал всадник? Да, это он пугает и заставляет недоумевать — в его облике есть что-то уродливое, жуткое.

Силы небесные! У всадника нет головы!

Это очевидно даже для неразумного животного. Еще с минуту смотрит олень растерянными глазами, как бы силясь понять: что это за невиданное чудовище? Но вот, охваченный ужасом, олень снова бежит... Не обращая внимания на убегающего в испуге оленя, как будто даже не заметив его присутствия, всадник без головы продолжает свой путь.

Он тоже направляется к реке, но, кажется, никуда не спешит, а движется медленным, спокойным, почти церемониальным шагом.

Словно поглощенный своими мыслями, всадник опустил поводья, и лошадь его время от времени пощипывает траву.

...Кажется, что он во власти каких-то глубоких чувств, и мелкие происшествия не могут вывести его из задумчивости. Ни единым звуком не выдает он своей тайны. Испуганный олень, лошадь, волк и полуночная луна — единственные свидетели его молчаливых раздумий».

На его плечах — широкий мексиканский плащ, который называется серапе. «Защищенный от ночной сырости и от тропических ливней, он едет вперед, молчаливый, как звезды, мерцающие над ним...»

Сотни тысяч, если не миллионы, читателей романа мучительно пытались додуматься, что это за явление — всадник без головы? Ведь это не сказка. Значит, он на самом деле скачет по американской степи, покрытой высокой сочной травой, — саванне?..

«Впереди, до самого горизонта, простираются безграничные просторы саванны. На небесной лазури вырисовывается силуэт загадочной фигуры, похожей на поврежденную статую кентавра; он постепенно удаляется, пока совсем не исчезает в таинственных сумерках лунного света...».

А в конце романа больного, лежащего без сознания человека судят

Ежедневный
развлекательно-познавательный
интернет-портал
«СОЛНЫШКО»
приглашает на страницы
своего сайта детей
и любящих их взрослых!

Новое в марте 2011 года:

- к 12-летию проекта: фотоконкурс «Торт ко дню рождения»;
 - викторина «Мама, милая мама»;
 - мартовские фотоконкурсы детского обаяния;
 - новые оригинальные сценарии детского дня рождения;
 - ежедневный астрологический прогноз на март
- и многое-многое другое.

Добро пожаловать
на сайт
www.solnet.ee!

судом Линча (в середине XIX века в Америке еще могли убить человека по приговору толпы) и хотят тут же повесить. Но некоторые не верят, что именно он — убийца. Они требуют доказательств у того, кто больше всех настаивает на казни.

«— Есть они у вас, мистер Кассий Колхаун? — спрашивает из толпы чей-то голос с сильным ирландским акцентом.

— ...Видит бог (*издание советское, поэтому Бог там пишется с маленькой буквы, хотя его положено писать с большой — как имя собственное.* — М. Ч.), доказательств больше чем достаточно. Даже защитники из его собственных глупых соотечественников...

— Возьмите свои слова обратно! — кричит тот же голос. — Помните, мистер Колхаун, вы в Техасе, а не на Миссисипи! Запомните это или ваш язык не доведет вас до добра!

— Я вовсе не хотел кого-нибудь оскорбить, — говорит Колхаун, стараясь выйти из неприятного положения, в которое попал из-за своей антипатии к ирландцам».

Довольно трудно понять, как можно испытывать антипатию не к какому-то человеку, а к целой нации, живущей на земле. Ведь Земля — общая!

Слово «антипатия», как известно, значит — неприязнь, когда кто-то кому-то сильно не симпатичен. Вообще-то так в жизни бывает, и ничего тут не поделаешь. Несимпатичен, пожалуй даже антипатичен, один

какой-то человек. Но как может быть ан-ти-па-тич-на целая нация? Ведь не может быть, чтобы все до одного ирландца делали что-то точно плохое?

4.

Чеслав Милош рассказывает, как в 1960-е годы в каком-то московском разговоре его американские знакомые были в полном замешательстве, когда узнали о невероятных тиражах Майн Рида на русском языке... «Они этого имени даже не слышали. Трудно их за это упрекать: в англосаксонских странах литература для юношества настолько богата, что Майн Рид, конечно же, оказался заслонен потомками...».

Нам же в России ни к чему его забывать. Он ничуть не потерял своей увлекательности. Да и вообще его вклад в мировую литературу весьма велик. Во-первых, пишет Милош, «Майн Рид привил новый — я бы сказал, более пристальный — взгляд на природу». Во-вторых, именно он первым создал романтический облик Америки. «После Рида Америка лесов, прерий, мустангов и бизонов стала существовать уже независимо от него...»

И третье — то, пожалуй, о чем написал в последнем письме из африканских джунглей знаменитый путешественник и исследователь Африки Ливингстон: «Читатели книг Майн Рида — это тот материал, из которого получают путешественники».

Подписка на «Семью и школу» продолжается

В любом отделении связи можно оформить подписку на журнал на оставшиеся месяцы первого полугодия 2011 года по одному из следующих индексов:

70906 — Агентство «Роспечать»,
получение журнала бандеролью,
оформление по каталогу «Роспечать»;
70909 — Агентство подписки и розницы,
оформление по Объединенному каталогу
«Пресса России»;
99351 — Межрегиональное агентство
подписки, оформление по каталогу
«Почта России».

Можно также подписаться через редакцию.
Подробности — на сайте mag7a.narod.ru
Подписка через Интернет: presscafe.ru
Скоро откроется подписка на второе полугодие 2011 года.

Следите за объявлениями!

В детском доме и в жизни

Письма из провинции: англичанин в России

В № 4 и 9 за 2010 год были напечатаны письма к другу молодого англичанина, Говарда, приехавшего в нашу страну работать волонтером в одном из провинциальных детских домов для детей с психоневрологическими заболеваниями. Работа его в настоящее время завершена; завершаем и мы публикацию писем Говарда.

Работа воспитателя не просто трудна — она невозможно трудна...

14 июля 2010

Дорогой Миша! Четвертая группа — одна из наиболее сплоченных в детдоме. Я работаю с ней регулярно. Она состоит из нескольких мальчиков девяти–одиннадцати лет. В числе их Петя — мелкий, хрупкий мальчик, который щурит глаза и качает головой, когда говорит, Максим, который совсем не различает цвета, но может собрать пазл быстрее, чем все остальные вместе взятые. И самый приметный — Вова, одетый обычно в чуть великоватую серую куртку, а на улице еще и в бесформенную шляпу, озорной, непослушный.

Волонтеры рассказывали потрясенно, как Вова схватил ножницы и размахивал ими с демоническим восторгом в глазах и триумфальным хохотом. Он все тянет в рот от ручек и клея до вещей, подобранных на дороге. Никто не знает, что он сделает в следующую минуту. Из-за своей гиперактивности он часто подвергается лечению успокоительными препаратами. Из-за этого ему, одному из самых сообразительных в группе, может потребоваться несколько долгих секунд для ответа на простой вопрос. Из-за этого лечения у него изо рта текут слюни, но он старательно все вытирает, когда они попадают на его работу.

В седьмом часу теплого вечера в начале лета Вова утонул в мутном зеленом пруду на территории детдома. Четвертая группа играла на улице вместе с несколькими другими группами детей. Их воспитатели были тут же, но каким-то образом — никто так и не понял, как это вышло, — Вова оказался в пруду (который вырыт и существует не для купания, а как источник воды на случай пожара). Оттуда же вытащили еще двух девочек, одна из них уже не дышала. Однако ее удалось откачать (она провела после этого месяц в больнице).

Меня не было во время этого несчастного случая, но легко могу себе

представить весь этот хаос: бегающих испуганных детей, еще более напуганных воспитателей, пытающихся понять, все ли их подопечные в наличии. Некоторые воспитатели топтались в пруду в воде по грудь, ощупывая ногами дно в поисках тел.

Никто из воспитанников детдома не приучен к воде. В 2006 году, когда один из старших мальчиков утонул в соседней речке, плавание и купание были запрещены. Я всегда считал, что пруд, в котором утонул Вова, неглубок. Однако глубина его по краям больше метра. И он никогда не был огорожен. Нагруженный успокоительными и совершенно не умеющий плавать, Вова мог очень легко и без шума соскользнуть в воду и погрузиться с головой.

Подобная трагедия неизбежно привлекает внимание к детдому. Двоих воспитателей, чьи подопечные попали в беду, немедленно уволили. Возможно, их посадят в тюрьму. Шептались, что поддиректором тоже шатается кресло. Милиция и телевидение почтили своим присутствием нашу тихую заводь.

Нельзя отрицать, что уволенные воспитатели проявили халатность, — они, люди, несущие ответственность за жизни детей в своих группах, сидели в каких-то тридцати метрах от места, где утонули дети. Однако нужно помнить, что работа воспитателя не просто трудна, — она невозможно трудна: воспитывать, занимать, дисциплинировать группу гиперактивных, больных и избалованных детей в течение двенадцати часов ежедневно.

Более того, стремительное удаление провинившихся хотя и правильно с точки зрения законности, но при этом неблагоприятно отражается на общей атмосфере. Работой в детдоме очень дорожат, это самая стабильная и хорошо оплачиваемая работа в здешних местах. Оставшимся воспитателям как бы напомнили, в чем состоит их главная обязанность: сохранение жизни воспитанников. Невыполнение этой обязанности может стоить им не только зарплаты, но и свободы, — и, следовательно, она важнее любых педагогических задач и хороших отношений.

Страх, всегда могущественная сила в детдоме, — страх неизвестного, потенциально опасного, неожиданного — царил безраздельно в те дни, недели и месяцы после гибели Вовы. Как воспитатель вы не будете позволять своим воспитанникам никаких приключений, если вы знаете, что можете поплатиться своим местом в случае какого-то происшествия. Гораздо спо-

койнее исключить все потенциальные риски, держать детей в помещении, за запертыми дверями, перед телевизором. В этом случае послушание становится приоритетом — в ущерб стимуляции и обучению.

Вову хоронили в четверг. Было прекрасное летнее утро с легким ветерком и прохладой в тени. В последний момент начало сдвинули на час, чтобы дожидаться каких-то представителей власти. Дети из детдома на похоронах не присутствовали.

Открытый гроб выгрузили из темно-синей «газели» и поставили на маленький стол за воротами кладбища, под сенью огромной деревенской церкви XVIII века. Собралось человек пятьдесят. Среди них были местные жители, сотрудники детдома и несколько человек из работающих здесь благотворительных организаций — но никого из Вовиной семьи.

Гроб был обит ярко-красной тканью, тело накрыто до подбородка легким покрывалом, на голове были видны с одной стороны грубые стежки, на щеках бурые пятна. Его рот был слегка приоткрыт в подобии улыбки, но это было что-то вроде пародии на его обычную живость. Мы стояли с зажженными свечами в руках, пока две женщины с трудом вытягивали хоровую часть церковной службы. В это время свечка на краю гроба упала внутрь, ярко осветив белую ткань. Кто-то подошел и быстро задул ее.

Несколько высокопоставленных мужчин явно скучали и хотели поскорее завершить этот неприятный эпизод. Некоторые женщины искренне горевали. Было бы странно, если бы дело обошлось без слез: краткость этой напрасно потерянной жизни, неожиданная смерть, красота летнего утра...

После службы гроб отнесли к отворстой могиле на маленьком лугу, спускающемся к реке. Вова был похоронен на самом краю кладбища. Под звук приглушенных рыданий и шелест берез рабочий засыпал могилу и рукояткой лопаты вбил крест в рыхлую землю.

Может быть, самая печальная особенность этих похорон поразила меня позднее. Все присутствовавшие горевали поодиночке. Не было объятий. Никто не протянул руку поддержки наиболее расстроенным. В центре этой трагедии не стояла семья. Недостаток тепла и устойчивых отношений в Вовиной жизни так явно и так душевраздирающе проявился после его смерти.

Всего доброго! Говард

Харизма на самом верш решает всё

19 августа 2010

Дорогой Миша! В детдоме и среди людей, имеющих или имевших к нему какое-либо отношение, встречается много колоритных фигур. Это также — и даже в большей мере — относится к двум благотворительным организациям, работающим с ним уже свыше десяти лет. Харизматичные, наивные, реалисты, преступники или праведники — кого только здесь не увидишь.

Даже следы давно исчезнувших персонажей могут быть обнаружены.

никто не видит конечных результатов даже собственных трудов.

Сознание своей высокой миссии также присутствует, особенно у тех, кто пришел в эту сферу по личным причинам (проблемная семья, опыт жизни в воспитательном учреждении). Они приносят в дело излишний пыл и свои убеждения, которые, сталкиваясь с другими убеждениями, порождают споры и ссоры.

Тому есть немало причин. Обе благотворительные организации

Картина, которую я нарисовал, безусловно, экстремальна. Не каждый волонтер вцепляется в волосы оппоненту, отстаивая свои идеалы, и не каждая организация совсем уж бес-

Дом, где я живу, приютил уже несколько благотворительных проектов, напоминания о которых встречаются там и тут. Я находил старые любовные письма, фотографии, документы, одежду. Волонтеры, мои предшественники, с их надеждами, амбициями и провалами всегда где-то рядом.

Как человек, получивший в Британии диплом историка, я привык считать, что история «героев и битв» уже неактуальна. Изучать следует образ жизни людей, его изменения, тренды, чтобы на самом деле иметь представление о прошлом. Однако если бы я взялся писать историю благотворительности в отдельно взятом детском доме, насколько она мне известна, едва ли этот принцип удалось бы здесь приложить. Это было бы не что иное, как лоскутное одеяло, сшитое из ярких личностей.

От колоссальных вложенных усилий мало что остается, если говорить об организации дела и преемственности. Люди приходят и уходят. Работая в среде, которую плохо понимают, они обычно концентрируются на своих целях и даже не пытаются принимать в расчет и использовать наработки предшественников. Почти

базируются отчасти в Москве, то есть на большом удалении от детдома. Координация действий выходит сложной и дорогостоящей. Большинство людей не хотят надолго переезжать в сельскую глушь. Работа в условиях враждебного отношения со стороны сотрудников и местных властей требует стойкости и уверенности в себе.

Вдобавок есть такая особенность, которую я наблюдал в любой культурной или благотворительной организации в России: харизма на самом верш решает все. Любая организация, каким бы потенциалом она ни обладала изначально, становится в итоге равна своему директору, то есть может ровно то, что может и хочет ее руководитель при сохранении абсолютного личного контроля. Лимит эффективности определяется харизмой, которая и есть основа успеха. Достижения хрупки, никто не чувствует себя достаточно уверенно. То, что в крупной организации может считаться неприятностью, становится буквально катастрофой в небольших, где один человек сидит как паук в центре паутины. В такой структуре невозможно на верность идеям — только персонам.

полезна. Тем не менее все личности и структуры, с которыми я сталкивался в этой сфере, в той или иной мере отвечают этому описанию.

Благотворительная организация, в которой я работал, как раз вполне типична. Директор, иностранец, очень редко бывает на месте, а чаще делегирует скучные обязанности по управлению повседневными делами своим заместителям в России. Помимо немногих (но принципиальных) вопросов вроде финансирования, прав собственности и регистрации, он практически ничего не делает в конторе. Однако ни одно серьезное решение не может быть принято без него. При этом он имеет привычку отвечать на трудные вопросы молчанием, и долгосрочная стратегия остается туманной.

Самый забавный аспект такого устройства обнаруживается, когда наконец директор появляется собственной персоной. Этот эффект особенно хорошо заметен в нашем детдоме, далеко от столицы. Директор появляется как с другой планеты, со всеми финансовыми ресурсами, которые за ним стоят. Чем реже и нерегулярнее эти явления, тем больше вокруг них спекуляций.

Когда приезжает «начальство», потемкинские деревни вырастают буквально на глазах, все кругом непрерывно улыбаются, люди не похожи на себя — и директор уезжает с сложными впечатлениями. Или, что еще хуже, с убеждением в своей уникальной способности подчинять людей своей воле. Так создаются условия для недоверия, паранойи, неэффективного управления и разрушения рабочих взаимоотношений.

Тот же феномен можно наблюдать и в самом детском доме. Его директор, жовиальный мужчина сильно за пятьдесят, задает тон в этом учреждении. Притом что он стоял у истоков почти всех позитивных изменений последнего десятилетия (включая кооперацию с негосударственной организацией, которую, в сущности, не обязан у себя принимать), он явно утомлен своей работой и ответственностью.

Слухи о его скором уходе или, как минимум, о его желании уйти циркулировали уже много месяцев. Это парализует всякое движение вперед. Поскольку неизвестно, кто будет следующим директором, — и при этом столько зависит от личности директора, — то для благотворительных организаций, да и для всех вообще, невозможно строить планы на будущее. Я подозреваю, что директор специально афишировал свое желание уйти как способ уменьшить рабочую нагрузку, отвязаться от благотворителей и избежать принятия долгосрочных решений. По официальной версии, он «ждет новой должности соответствующего уровня».

«Человеческий фактор» играет непропорциональную роль в детдоме и примыкающих к нему организациях. Сложно выстроить что бы то ни было на чисто формальной основе. Без соответствующей организационной подготовки все достижения нестабильны и любое дело в любой момент может закончиться полным провалом.

Всего наилучшего! Говард

Уезжать грустно — но и поучительно

23 сентября 2010

Дорогой Миша! Такое ощущение, что это последнее письмо не очень-то и нужно. Как ты знаешь, я уехал из детдома и вернулся в Лондон, прежде чем выйти на новую работу в ноябре. Однако я все же хотел бы подвести черту.

Причины, по которым я решил уехать, достаточно сложны. В самом общем виде проект, над которым я работал, не мог развиваться во что-то более существенное и постоянное. Тому виной как политика благотворительной организации и порядки в детдоме, так и мои собственные приоритеты и моя неготовность. Недостаточное знание языка и вытекающая отсюда невозможность достичь желаемых результатов были для меня источником постоянных разочарований. Я выделил год на этот проект и чувствовал, что должен быть осторожен и не возвращать лишних надежд и амбиций, которые могли бы пострадать из-за моего отъезда.

Тем не менее покинуть место, куда я вложил столько сил и где провел столько времени, оказалось нелегко. И хотя моя новая работа в Москве предполагает, что я смогу время от времени навещать детский дом и буду продолжать поддерживать текущие благотворительные проекты, это, конечно, совсем другой уровень отношений.

Прощание с детьми было особенно трудным. Большинство из них плохо понимает, что это значит, когда им объясняешь, что уезжаешь надолго. Практически все, кого они когда-либо знали, приходят и уходят. Они не ощущают утрат, это норма для них. Они настолько лишены сколько-нибудь устойчивых привязанностей, что толком не понимают, когда отношения заканчиваются. И даже если понимают — до некоторой степени, — то не имеют эмоциональных инструментов, чтобы адекватно реагировать.

Уезжать грустно — но и поучительно. Перед отбытием я посвятил два-три дня прощанию с друзьями, которых успел завести. А поскольку я уезжал далеко, в другую страну, большинство людей были со мной откровеннее, чем когда-либо прежде.

Я забежал, к примеру, к соседям по деревне, пожилой паре, переехавшей из города после выхода на пенсию. «Возвращаясь в Англию, — убеждала меня тетя Нина, — не трать понапрасну свои молодые годы, найди нормальную работу, заведи семью!» Они были очень добры ко мне, но я воплощал для них все неверное и ненужное в нынешней системе детдомовского воспитания (они считают, что детей, которые растут в деревне, в том числе и детдомовских, нужно приучать к деревенской работе).

В одном из благотворительных приютов заведующая, которая всегда была приветлива и добра ко мне, выразила примерно такие же чувства. «Не беспокойтесь о нас, — сказала она. — Вы сделали все что могли... езжайте домой в Лондон и устраивайте свою жизнь».

Пожалуй, самое показательное прощание, однако, случилось, когда я зашел в местную «детскую деревню» по пути на станцию. Уже нагруженный всевозможными подарками — от варенья до пластиковой совы, — я получил в дар книжку Пелевина от самой харизматичной сотрудницы нашей благотворительной организации. Но, усевшись в поезд, обнаружил, что один из детей, страдающий клептоманией, украл мой сотовый телефон...

Помнишь ли ты, как однажды познакомил меня со своим другом, который занимается вопросами деинституционализации в Восточной Европе? Он сказал мне нечто такое, что в тот момент меня шокировало, но с чем трудно не согласиться. Он считает, что, работая с воспитательными учреждениями и всей системой госу-

дарственного воспитания, мы лишь делаем их менее неприглядными и тем самым продлеваем жизнь этой системы. Было бы много лучше, — считает он, — сосредоточиться только на работе с семьями.

Станным образом это привело мне на память Ленина. Я вычитал в школьном учебнике русской истории, что Ленин настаивал: социалисты не должны ни в коем случае содействовать улучшению условий жизни пролетариата, поскольку такие улучшения лишь отдаляют революцию, призванную радикально решить все проблемы.

Мои убеждения могли потерпеть крушение, столкнувшись с айсбергом российской бюрократии, — но я все еще верю в полезность работы на благо детей, где бы они ни находились. Я считаю, что простая человеческая доброта очень важна для 125 тысяч детей-инвалидов, находящихся под опекой государства. И я уверен, что усилия волонтеров, работающих на этом уровне, то есть непосредственно с детьми, очень важны как для детей, так и для общества в целом. Они открывают людям эту достаточно закрытую сферу, они меняют отношение к этим детям и помогают продвигать процесс позитивных изменений.

Прибытие в Англию через какие-нибудь двое суток после отъезда из детдома — довольно странное ощущение. Чудесно, конечно, вновь увидеть семью и друзей, но как же трудны неизбежные разговоры о том, чем я занимался все это время. Как сложно объяснить мою мотивацию или передать словами, что представляет собой покинутый мною детдом. Кому-то я пытаюсь описать условия жизни в нем, кому-то даже не пытаюсь. Я встречался с женщиной-волонтером, посвятившей годы своей жизни этому детскому дому, она выразила это лучше:

«Одни люди чувствуют себя очень некомфортно, слушая рассказы о детдоме, другие считают тебя каким-то супергероем, третьи просто не знают, что сказать. Они говорят «уту» и меняют тему разговора. Я говорю об этом лишь тогда, когда чувствую, что меня понимают. В Москве с этим даже хуже: русские ощущают вину, оттого что иностранка занимается социальными проблемами в России...»

Надеюсь, эти письма дали тебе некоторое представление об обителях детского дома и его проблемах.

Всего наилучшего! Говард

Перевод Н. Коршуновой

Те из читателей, кто захочет что-то сообщить Говарду, высказать свое мнение о его письмах, согласиться или поспорить с ним, могут присылать письма на почтовый или электронный адрес редакции, которая непременно передаст их адресату.

Небесный мастер

К 650-летию Андрея Рублева в Государственной Третьяковской галерее прошла выставка, посвященная великому художнику-иконописцу. Проект совместный с Центральным музеем древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева. В экспозиции приняли участие Государственный Исторический музей, Государственный музей-заповедник «Московский Кремль», Государственный Владимиро-Суздальский музей-заповедник, Звенигородский историко-художественный музей. Впервые собраны вместе в едином выставочном пространстве создания мастера и его окружения, дающие представление о важнейшем этапе русской культуры.

У этой выставки есть одна особенность, отличающая ее от других, — это выставка-реконструкция. Она воссоздает образ и наследие великого мастера

Андрей Рублев пишет образ Спаса Нерукотворного на западной стене Спасского собора. Фрагмент миниатюры лицевого списка Жития Сергия Радонежского 1580-х — начала 1590-х годов.

в той полноте, которая стала возможна в наши дни благодаря многочисленным исследованиям и работе экспертов. Рублев в известной мере — легенда. Как и все иконописцы своего времени, он работал анонимно; не было никого, кто при его жизни или сразу после смерти собрал сведения о нем. Иконники жили жизнью замкнутой, аскетичной, и аскетизм этот предполагал не только ограничения в пище, образе жизни, но и умаление, уничтожение всего личного. (Годы ученичества Рублева проходили в стенах Свято-Троицкого монастыря, где он принял монашеский чин.)

Между тем его известность оказалась сильнее его скромности. Об этом свидетельствуют летописи. Вот первое упоминание, в 1405 году, о работах по росписи церкви Святого Благовещения в Московском Кремле, предназначенной для великокняжеской семьи: «...а мастера бяху Феофан иконник

Икона «Христос Вседержитель». Из Успенского собора в Звенигороде. Около 1400

На соседней странице справа: Икона «Крещение». Из Успенского собора во Владимире. Около 1408—1410-е.

Гречин, да Прохор старец с Городца, да чернец Андрей Рублев...» Значит, первый важный заказ Рублев выполнял с Феофаном Греком. Есть версия, что Феофан Грек влиял на Рублева и стал его учителем, но не все исследователи с этим соглашаются; полагают, что ко времени встречи с Феофаном, Рублев был уже сложившимся мастером, воспитанным другой школой.

Упоминания о Рублеве есть и в житиях русских святых — преподобного Сергия и Никона Радонежских, Иосифа Волоцкого. По свидетельству Волоцкого, Андрей Рублев был учеником старца Даниила. В летописных записях их имена рядом. Даниилу Черного называют «сопостником» и другом Андрея. Между тем Даниил не оставил после себя блестящего следа художественной легенды, в отличие от Рублева и Феофана Грека. Предполагают, что он был скорее духовным наставником своего молодого

Слева вверху:
Архангел Михаил.
Из Успенского собора
в Звенигороде. Около 1400.

Апостол Павел.
Из Успенского собора
в Звенигороде. Около 1400.

друга. Когда в Спасо-Анрониковом монастыре, где жили и работали Даниил Черный и Андрей Рублев в последние годы, искали (уже в наши дни) могилу великого мастера, то надеялись обрести два захоронения рядом: как жили вместе, так вместе легли в землю.

Уже в XVI веке память о Рублеве потускнела, а вскоре и исчезла, потому что исчезли его творения. С течением времени иконы потемнели и стали «поновляться» новыми записями; или же их закрывали драгоценными ризами; темные от копоти стенные росписи сбивались. Только в 1904 году благодаря настойчивым советам известного художника и коллекционера Ивана Остроухова с рублевской (по преданию) «Троицы», которая хранилась в Троице-Сергиевой лавре, сначала была снята золотая риза, затем расчищена запись, сделанная в XIX веке. Открытие ошеломило: светоносная, одухотворенная живопись была исполнена такой гармонии, такого изящества, что и сравнить ее было не с чем. Начался бум — стали искать Рублева. Достоверность находок оставалась под вопросом, зато стали говорить о существовании эпохи Возрождения в русском искусстве, об эллинистических корнях Рублева, о том, что в период, отделяющий Рублева от Дионисия, были другие мастера, которых можно поставить рядом с ними. Пересматривалась история русской культуры, русской религиозной мысли. Были написаны «Открытия древнерусского искусства» Павла Муратова, «Иконостас» Павла Флоренского, «Русская живопись до середины XVII века» Игоря Грабаря.

Нынешняя выставка — не подведение итогов, а свидетельство всё новых открытий.

Оформление двух залов в основном корпусе Галереи в Лаврушинском переулке, где разместилась выставка, имитирует (с большим тактом, достаточно сдержанно) храм. Двери сводчатые, а над ними — подобие храмовой росписи. Освещение мягкое, неяркое, источники света скрыты. В первом зале в витринах какие-то осколки, совсем маленькие и побольше. Это образцы археологических фрагментов настенных росписей, найденные при раскопках вокруг Успенского собора в Звенигороде. Рублев расписывал этот собор в конце XIV века. А в XIX веке эти росписи при ремонте смывали со стен или сбивали топорами. Осколки выносили как обычный мусор. Сейчас эти находки приобретают исключительную ценность, поскольку авторской рублевской живописи в нетронутom виде не существует; там, где она сохранилась, она пропитана реставрационным клеем. Стало возможным изучение состава минеральных красок, которыми пользовался прославленный мастер. Мусор оказался драгоценным. Тем более что маленькие осколки можно сложить и обрести... Но не будем заглядывать в будущее...

В большом зале справа во всю длину стены деисусный чин (часть иконостаса) из Успенского собора во Владимире. Последние исследования подтверждают, что чин написан Андреем Рублевым с Даниилом Черным; возможно, были и помощники. Как полагается по канону, в центре — Спас, по сторонам его в молитвенной позе Богородица и Иоанн Богослов со свитком в руках. Лицо Богородицы размыто, но жест ее рук читается четко. Ее фигура и руки обращены к Спасителю. Жест просящий и горестный одновременно. Почему горестный? Кажется —

Икона «Благовещение».
Из Благовещенского собора Московского Кремля.
Первая треть XV века

Справа вверху:
Икона «Святая Троица».
Из Троицкого собора Троице-Сергиевой лавры. Между 1408–1425

Справа внизу:
Икона «Иоанн Предтеча». Из Никольского Песношского монастыря около Дмитрова. Вторая четверть XV века

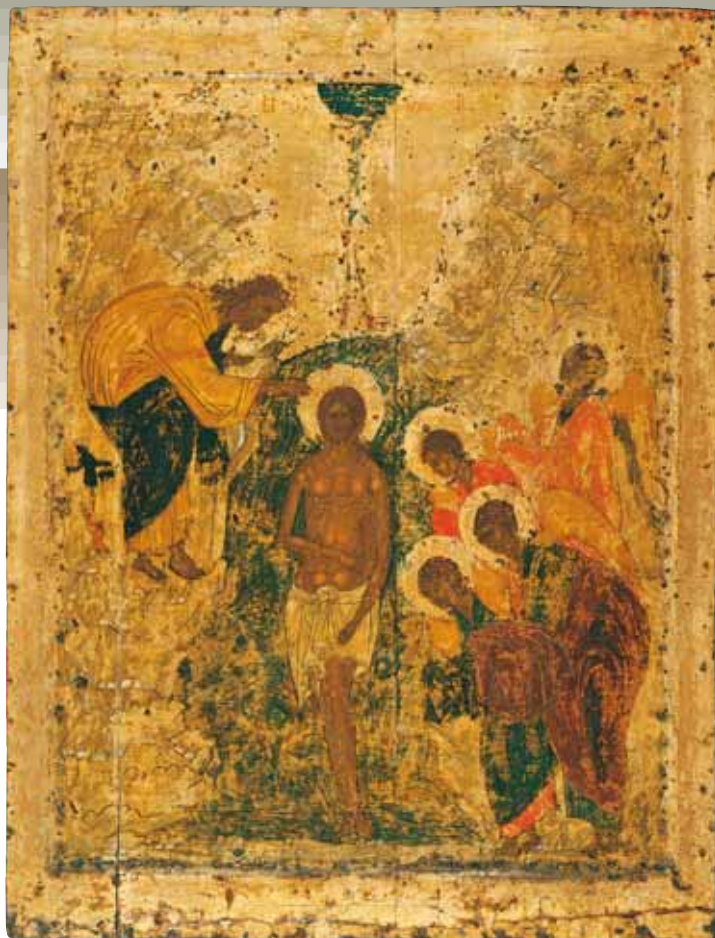
На соседней странице вверху: Икона «Крещение». Из Благовещенского собора Московского Кремля.
Первая треть XV века

что горестный... Лик Спасителя не суровый. Как понять его выражение? Бесстрашие и всеведение. Выражение того, что является невыразимым... Силуэты апостолов и святых слиты в ясную гармонию. От этой стены трудно оторваться. Как будто попадаешь в какое-то мощное поле.

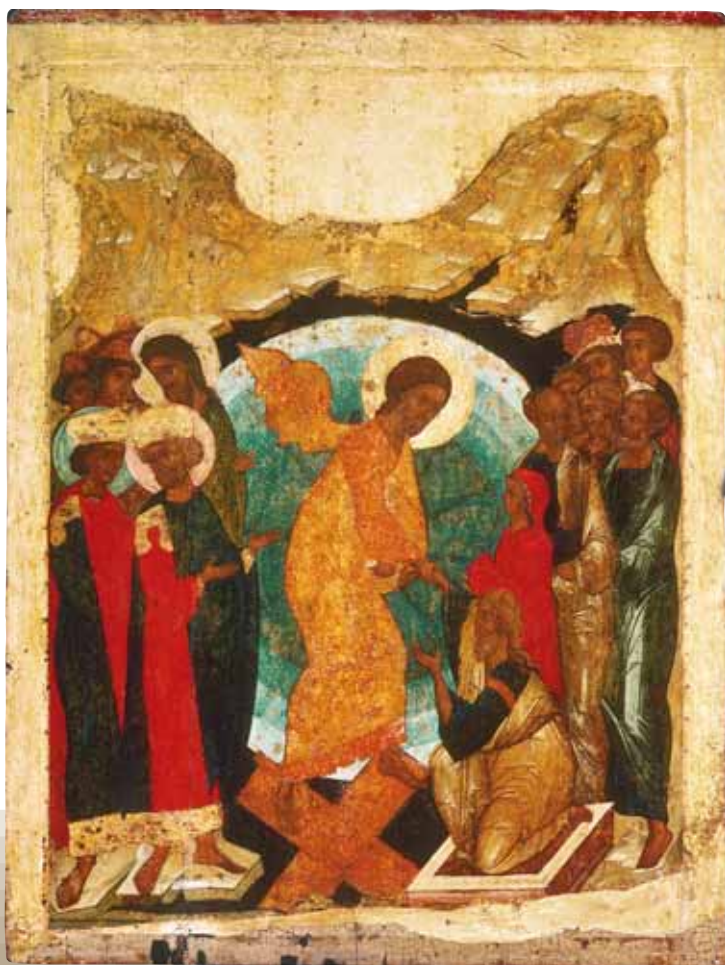
О впечатлении, которое производит «Троица», столько сказано, что будет убедительней процитировать, например, Павла Флоренского. Он увидел ее, когда в 1922 году икона подверглась квалифицированной расчистке в реставрационных мастерских Игоря Грабаря. «Из всех философских доказательств бытия Божия наиболее убедительно звучит именно то, о котором даже не упоминается в учебниках; примерно оно может быть построено умозаключением: “Есть Троица Рублева, следовательно, есть Бог”». И еще он говорил «...собственным глазам не веришь, когда они свидетельствуют об этой всепреодолевающей, победной красоте».

Среди древнерусских живописцев Рублев, наверное, был первым, для которого икона становится предметом созерцания (а не только поклонения). Подходя к «Троице», прежде всего обращаешь внимание на ее красоту. На ее краски: звучные, интенсивные и мягкие в переходах и полутонах, контрастные в сочетаниях и несущие мелодическое согласие; на ритм фигур, рук, подчиняющихся круговой теме. Но все исследователи согласны, что Рублев в своей «Троице» через созерцание возносился своими мыслями к «горнему» (Михаил Алпатов). То торжество красоты, которое мы чувствуем у него, таит в себе возможности духовного откровения.

На выставке представлены висящие рядом три иконы Владимирской Божьей Матери «Умиление», написанные в XIV — первой четверти XV века. Это три списка с прославленной Владимирской иконы

Царские врата с изображением Благовещения и четырех евангелистов. Из иконостаса Троицкого собора Троице-Сергиевой лавры. Около 1425.

Миниатюра «Евангелист Иоанн с Пророком». Евангелие Хитрово. Конец XIV — начало XV века

Богоматери, по преданию написанной Евангелистом Лукой. Они все исполнены мастерской рукой. Но одна из них надолго останавливает внимание. Нежность цветовых переходов («дымом писано», как говорили о манере Рублева), помогает выразить идеальное чувство материнства, беспредельное умиление Младенцем. Исследователи считают, что эта икона из Успенского собора во Владимире могла быть исполнена Рублевым либо в 1395 году в связи с переносом чудотворной Владимирской иконы в Москву, либо около 1408 года во время работ во владимирском Успенском соборе.

Л. Осипова

Мой любимый грузин с трубкой

Андрей Хржановский

Нет, нет, вы не могли меня заподозрить в симпатии к тому «крупному менеджеру», в любви к которому расписалась половина нашей страны. Речь пойдет как раз о том великом грузине, чьи родственники сами пострадали от убийственной, в прямом смысле этого слова, деятельности вышеупомянутого «менеджера». О философе и ученом, все профессиональные и человеческие усилия которого как раз были направлены на развитие задавленных в нашем обществе ростков свободы. Тот, о ком я хочу рассказать, тоже был грузином и курил трубку (об истории, прямо связанной с этим его увлечением, я расскажу чуть позже). Долгие годы он оставался символом просвещенности, лидером интеллектуальной элиты, причем не только грузинской и российской, но и мировой. После того как были отменены ограничения и запреты советской власти, он стал много путешествовать: зарубежные университеты и философские общества наперебой стали приглашать Мераба Мамардашвили с лекциями и докладами — благо, он владел в совершенстве несколькими иностранными языками.

Как надо было знать, например, французский, чтобы не только читать в подлиннике многотомный цикл романов Марселя Пруста «В поисках утраченного времени», но и написать на основании философско-психолого-лингвистического анализа масштабное исследование об этом цикле. Кстати, обильно цитируемые отрывки из него приводятся Мерабом Константиновичем в собственном переводе.

И вот тут я хотел сказать то, ради чего, собственно, и взялся за перо. Если у тебя, дорогой читатель, еще остались силы после чтения Устиновой и Донцовой и просмотра «Глухаря» — употреби их с пользой для ума и сердца. Ибо чтение книги Мераба Мамардашвили «Лекции о Прусте» может представляться совершенно упоительным занятием.

Вы можете убедиться в этом, прочтя хотя бы несколько отрывков из «Лекций о Прусте». Например, вот эти.

«...Каждый — читатель самого себя... Роман Пруста — это предложение читателю воспользоваться им для того, чтобы решать собственные задачи; поэтому читатель может воспользоваться им произвольно, как своего рода машиной, которая производит какие-то эффекты, и читатель может ее использовать, чтобы в себе самом произвести какие-то эффекты. Такова его идея «произведения-машины»... У Пруста роман строится как бы клочками, в нем нет никакой единой временной линии, сама форма позволяет осуществлять переход из одного времени в другое... Роман Пруста — машина рождения. В том числе другого человека, который не написал или не писал романа, то есть и нас, если мы внимательно читаем...»

Как, вы еще не держите в руках том Пруста? Мне лично после такого разъяснения трудно было воздержаться от соблазна время от времени брать в руки любой из этих томов или «Лекций» о нем Мераба Мамардашвили, чтобы «решать собственные задачи».

Цитировать Мераба можно бесконечно, как пересказывать любимые фильмы. Чтение его трудов доставляет радость почти физическую, не говоря о пользе такого занятия, ибо, как мы помним, «следовать за мыслями великого человека есть наука самая занимательная» (Пушкин).

Нас, обывателей, обычно страшит и отпугивает слово «философия». Книжки же Мамардашвили читаются с относительной легкостью еще может быть потому, что в них, помимо следования «мыслям великого человека», есть еще и свет какого-то

сугубо личного отношения автора к тому, о чем он пишет, так что, читая их, ты погружаешься в нечто сокровенное, личное, как это бывает при чтении талантливо написанного дневника или мемуаров.

Между прочим, к подобным мемуарам можно отнести книгу известной сценаристки Наталии Рязанцевой «Не говори маме». (Читателю должно быть известно имя Рязанцевой как автора сценариев замечательных фильмов «Долгие проводы» Киры Муратовой, «Чужие письма» и «Голос» Ильи Авербаха и других).

Наташа была замужем (последовательно) за художниками, чье творчество во многом определило картину нашего киноискусства 60-х — 70-х годов Геннадием Шпаликовым и Ильей Авербахом. Мераб Мамардашвили, как и моя жена Маша и я, был другом Рязанцевой и Авербаха. Видимо, это обстоятельство предопределило неизбежность и нашего знакомства с Мерабом.

Так или иначе, однажды на пороге дома в Переделкино, часть которого мы снимали на лето, появилась элегантная, как всегда, Наташа в шоферских перчатках с вырезами, приведших в восторгленный трепет нашего малолетнего тогда сына. Рядом с Наташей стоял высокий господин, чей белый летний костюм так хорошо гармонировал с его внешностью и с нарядом Наташи. На лице господина — чуть заметная застенчивая улыбка: улыбались только глаза в массивной роговой оправе.

Но главное — огромный лоб. Я с детства помнил сравнение, которым наградил выдающийся музыкант и педагог Генрих Густавович Нейгауз своего любимого ученика Святослава Рихтера. Вернее, не его, а его череп.

Нейгауз писал, что череп Рихтера величествен, округл и прекрасен, как купол собора святого Петра в Риме, — шедевр великих зодчих Браманте и Микеланджело. (С тех пор, признаться, каждый раз, присутствуя на концертах Рихтера, я неизменно вспоминал очертания этого собора, а заодно и облик любимого мною Гоголя, который, как никто другой, превосходно описал этот собор и его купол. Вот куда заводит нас порой «машина ассоциаций»!)

Так вот — череп нашего гостя, его лоб ничуть не уступали канону великих зодчих Возрождения.

— Знакомьтесь, это Мераб, — сказала Наташа, видимо, уже привыкшая к тому, что у каждого, кому она представляет Мераба, на мгновение останавливается дыхание, — нет, не из пиетета перед человеком, с которым было заочно знакомо, кажется, все наше поколение, а от восхищения его обликом — физическим, сказал бы я, если бы этот физический облик не сопровождала какая-то духовная эманация. Слово «обаяние» кажется почему-то слишком бытовым и неточным.

Я уже сказал о застенчивой улыбке Мераба. К этому надо прибавить невероятно изящную пластику, какую нечасто встретишь у физически крупного человека. Возможно, именно высокий рост и крепкое сложение приучили Мераба к легкой, какой-то вкрадчивой походке, какую можно наблюдать у крупных зверей из отряда кошачьих. И очень тихий и при этом очень отчетливый голос. Я имею в виду артикуляцию, достойную профессионального лектора...

Эта встреча, которую запомнили, как оказалось, не только мы, но и Мераб, стала началом нашего знакомства, переросшего в сердечные отношения. Выяснилось, что Мераб видел и лестным для меня образом оценил мои фильмы. Выяснилось также, что у нас немало общих знакомых. К их числу надо отнести прежде всего нашего друга

Натана Эйдельмана. Я знал, что каждый из них читал лекции на Высших курсах сценаристов и режиссеров, где преподавал и я. Однажды я присутствовал в аудитории во время жаркого диспута между Мамардашвили и Эйдельманом на тему «История и философия». После диспута слушатели задавали вопросы. Спросил о чем-то и я. И был поражен тем, насколько ответ был вразумительней и яснее вопроса. Как Мерабу удавалось говорить о сложнейших вещах с такой удивительной, я бы сказал, прозрачной простотой, — было для меня всегда одной из главных загадок.

Помимо встреч у нас дома или у друзей Мераба Юрия Сенокосова и Елены Немировской, у которых он обычно останавливался, бывая в Москве, мы не раз встречались в концертах (в одном из них, помню, исполнялись сочинения нашего друга Альфреда Шнитке) и на приемах в английском посольстве. Приемы эти тоже были, как правило, связаны с какими-либо музыкальными событиями. Посол сэр Родерик Брайдвейт оказался не просто страстным меломаном, но и сам превосходно играл на скрипке. Во время этих встреч мы снова оказывались в обществе Мераба. Могу засвидетельствовать, что более легкого и приятного собеседника, чем Мераб, на темы отнюдь не философские, мне встречать не приходилось. Так же, как более тонкого ценителя и знатока различных сортов виски.

Запомнился день рождения Мераба, последний в его жизни. Пил Мераб с таким же мастерством и вкусом, как и философствовал. И на сей раз он оставался трезвее других, в том числе своих давних друзей по Институту международного рабочего движения и по редакции журнала «Вопросы социализма», располагавшейся в Праге, — Бориса Грушина и Владимира Лукина.

Не помню, чем мы одарили тогда Мераба, зато хорошо помню его подарок. Видя мое восхищение набором курительных трубок и инструментом для их обслуживания, выложенных на столе, он тут же выдал мне трубку, набил ее ароматным голландским табаком и подарил складной набор для заправки и чистки трубки. Мы беседовали, попыхивая трубками. А когда пришла пора выбить остатки табака и прочистить трубку перед тем, как набить ее заново, я механически протянул руку и взял один из двух наборов, лежавших на столе между мной и Мерабом. Он тем же жестом протянул руку и мягким, но решительным движением взял набор из моих рук.

Я посмотрел на него с нескрываемым удивлением.

— Извини, но это — мое, — сказал он также спокойно и мягко.

— Да, но какая разница? Ведь они абсолютно одинаковые.

— В этом смысле разницы, действительно, никакой. А разница в том, что это — мое, а это — твое. Ведь у тебя есть свой набор, который я тебе только что подарил...

— Да, но... какая разница? — продолжал упорствовать я в своем искреннем непонимании.

— Разница в том, что твое — это твое, а мое — это мое, — уже более твердым голосом произнес мой друг.

Так я получил наглядный урок уважения к частной собственности.

Этот день рождения был для Мераба пятьдесят девятым. И поскольку было известно, что дни рождения Мераба и моей жены, отстоят один от другого всего на несколько дней и 10 лет, а будущий год для обоих должен был стать юбилейным, условились, что эти два юбилея мы будем «справлять» вместе — так предложил Мераб.

Увы, этому не суждено было сбыться.

Мераб Константинович Мамардашвили умер от приступа острой сердечной недостаточности в московском аэропорту «Внуково», откуда он должен был лететь в свой родной Тбилиси.

Казалось бы, профессия и весь следующий из этого склад натуры должен был бы оберегать философа от острых переживаний и потрясений. Но все, знавшие Мераба, не могли не видеть, с какой взволнованностью, тревогой и болью переживал он все, происходящее на его исторической родине.

Должно быть, он не раз вспоминал в последние года своего великого предшественника и коллегу Аристотеля, который, увидев тень воина-иноземца на земле, в том месте, где философ возводил чертеж своих доказательств, только и мог воскликнуть: «Не тронь мои чертежи...»

Но история новейшего времени — это тотальное наступление варваров на просвещение, воинствующего невежества и мещанства на культуру.

66-й сонет Шекспира мог быть если не написан в стихах, то изложен в прозе Мерабом Мамардашвили. Как и строки Пастернака:

*В наши дни и воздух пахнет смертью.
Открыть окно — что жили отворить.*

Фрида Вигдорова

Девочки (дневник матери)

**Публикацию
подготовила
А. Раскина.**

*Продолжение.
Начало в № 8–12
за 2010 год
и № 1 за 2011 год*

**Гале Кулаковской 9 лет 8 с половиной месяцев,
Саше Раскиной 4 года 7 месяцев.
9 декабря 46.**

Галя, возвращаясь со Сретенки:

— Хорошо они живут! Всего много! Сухари... Конфеты... Колбаса...

Я, осторожно:

— Может, поедешь туда жить?

Галя, спокойно:

— Ни в коем случае.

18 декабря 46.

Шура любит спрашивать: «Сашенька, у тебя что-нибудь болит?»

На этот вопрос Саша имеет в запасе сотни разнообразнейших ответов. К примеру:

Шура:

— У тебя болит что-нибудь, Сашенька?

Саша, подумав:

— Нет, ничего не болит. Кроме уха.

Шура (в ужасе):

— А ухо?!

Саша:

— А ухо тоже не болит.

В другой раз она ответила:

— Ничего не болит... Кроме сердца, конечно...

*

Галя рассуждает вслух:

— Мама, посмотри: я в той школе получала одни тройки и редко-редко четверки. А тут четверки и пятерки. Почему так? Мне приятно здесь учиться. Мне в этой школе учиться и труднее, и легче. Как ты думаешь, почему? Я думаю потому, что здесь лучше учат: всё успевает осесть в голове. А потом Евгения Карловна — это не то, что Ирина Николаевна. Евгения Карловна — очень хорошая. Ты знаешь, если кто из девочек заболел, она к ним домой ходит. Она обо всех так заботится, так огорчается, если кто заболел. Очень она мне нравится. Ты знаешь, у нее очень много улыбок. Когда девочки с ней прощаются, она каждой улыбается — на всех хватает, и еще остается.

*

Галя:

— Когда мне что-нибудь из еды не нравится, я вспоминаю про Ташкент, и у меня тогда всё проскакивает, всё кажется хорошим.

*

Саша, услышав фразу «Погибла моя очередь», произносит: «Не говорите о смерти!»

23 декабря 46.

— Саша, у тебя болит что-нибудь?

— Сердце, живот и два бока.

*

Саша очень часто говорит о смерти, и это просто страшно. Как-то вечером, ложась спать, она плакала и приговаривала: «Зачем люди умирают? Живут, живут, а потом умирают. Вот Гуля Королева [1] умерла, Зоя [Космодемьянская. — А. Р.] умерла, Галин папа Шура умер. Мне жалко. Мне всех людей жалко, и чужих жалко — зачем они умирают?»

*

Саша:

— Мама, как бабы-ягино отчество и фамилия?

*

— Мама, а почему ты не пошла на фронт?

— Потому что ты была маленькая!

— Тебе было жалко меня оставлять?

— Да.

— Но ведь были папа Шура и бабушка Оля?

— Но ведь тебя надо было кормить молоком, а оно было только у меня.

— Но ведь Ольга Львовна тоже женщина, у нее тоже есть грудь, почему же она меня не могла кормить молоком? Я думаю, что ты могла пойти на фронт. Немцев надо было всех убить. А ты ведь видишь, что их много живых осталось. *[Всегда в таких случаях Ф. А. объясняла девочкам либо про разницу между немцами и фашистами, либо что «нет плохих народов, а есть только плохие люди» и т. п. (См., например, запись от 13 мая 1945 года в № 10 за прошлый год.) Но в дневничках свою реакцию нередко оставляла за кадром. — А. Р.]*

*

Сегодня я ворчала на Нюру [Няня. — А. Р.]. Саша слушала с внимательным и строгим выражением лица. И сказала:

— Мама, тетя Нюра не для того к нам приехала, чтобы ее ругали. Я даже слушать не хочу.

Было мне после этих слов неловко и совестно.

1 января 47.

К детям приходил дед-Мороз. Саше он подарил кукольную кроватку. Нюра сшила перинку, подушки, простыню и одеяльце.

Галя пожалована фарфоровая кукла ростом в 50 см в пестром шелковом платье. В чулки были положены конфеты и мандаринка. Проснувшись поутру, Саша была подавлена всем увиденным. Галя отнеслась к подаркам более трезво, но тоже очень радовалась.

Сегодня девочки ходили на елку к Вове. Принесли мне от туда яблоки, мандаринку и грецких орехов — мне приятно, что девочки про меня не забыли. Галя всегда делится со мной всем, чем бы ее ни угостили. Саша — только тогда, когда ей кто-нибудь напомнит. Но если Шура ее угощает, она всегда спрашивает:

— А маме?

*

Пожелания учительнице:

«Дорогая Евгения Карловна! Поздравляю Вас с Новым и счастливым годом! Желаю Вам долго и счастливо жить и работать. Дорогая Евгения Карловна, я учусь уже в 3-й школе, а такой как Вы учительницы не встречала! Еще раз желаю Вам долгой и счастливой жизни!»

*

Сейчас Галя проснулась и стала полусонным голосом излагать, что было у Вовы на елке:

— Понимаешь, Вова нарядился дедом-морозом, пришел с бородой, с палкой и стал держать речь — о чем бы ты думала?! О том, как надо слушаться старших, не противоречить им, помогать! Одна тетя даже спросила его: «А сам-то ты, дедушка, выпол-

няешь всё это?» Он не ответил, конечно. А Саша вела себя так: только сели за стол, она хватать большой кусок сыра с тарелки, надкусила и бросила обратно! Я, конечно, выудила этот сыр и положила ей на тарелку и заставила съесть.

*

Способ разговаривать у Галя вырабатывается Шурином — раскинский. Она говорит: «Я сжала губы и с победоносным видом посмотрела вокруг». Употребляет причастные и деепричастные обороты, длинные периоды со всякими там «который», «не смотря на то...» и пр.

4 января 47.

На днях Галя сказала:

— Знаешь, мама, я все-таки не верю в то, что папу убили. Я когда иду по улице, то вглядываюсь в лица встречающих военных — думаю, вдруг он?

*

Няня Нюра читает «Ад» Данте. Со страхом спрашивает меня:

— Фрида Абрамовна, это все правда, что здесь написано?

*

Я говорю Саше:

— Если папа спросит, где я, скажи: пошла погулять.

Саша:

— А на *самом* деле?

6 января 47.

Саша читает книги с карандашом в руках и исправно ставит две точки в словах «елка», «еще». А в словах «его», «никого» — меняет «г» на «в»:

— Это ошибка в книге, — говорит она. — Надо писать «ево», а не «его», что такое «его» — это неправильно!

*

На елке вела себя препрехабно. Пыталась отколотить каждого, кто прежде ее отгадывал загадку. Вопила: «Не хочу картошки, хочу мяса!» и без спроса брала себе из вазы мандарины.

15 января 47.

Шура заподозрил Сашу в том, что она откусила кусочек от его конфеты.

— Я не кусала! — кричала Саша, пылая благородным негодованием. — Я не кусала! Разве я могу так ровно откусить? Если б я говорила неправду, я покраснела бы! А я не покраснела! И я не могла бы так ровно откусить! И я бы покраснела! А я не покраснела!

*

На днях, отпуская ее гулять с Соней Ф., я говорила Саше:

— Только, пожалуйста, ничего не кланчи у тети Сони. Дай слово, что не будешь ничего просить.

— Даю честное слово.

— И мандаринки не будешь просить?

— Не буду!

— И если увидишь воздушные шары — не будешь?

— Не буду.

Потом Соня рассказывала: идут они по улице, навстречу продавец с мандаринами. Саша отвернулась и произнесла: «Ну их к черту, эти мандарины!»

24 января 47.

Галя:

— Саша, кого ты любишь больше всех на свете?

Саша:

— Папы нет, поэтому можно сказать — маму! А ты кого?

— Маму и папу.

— Какого папу?

— Своего.

— Но ведь твой папа... не буду говорить, а то ты заплачешь.

А моего папу Шуру, который тебе вместо папы, — ты любишь?

— Люблю.

Мама Фрида (слева), когда ей было 10 лет.

Вика Раскин со своей мамой (1947 г.).

2 февраля 47.

Был у Саши в гостях двоюродный брат Вика (2 года 9 месяцев). Она хватала его за руки, за ноги, за голову, словно хотела убедиться — настоящий ли он. Смотрела на него внимательно, с любопытством, заявила, между прочим, что у него «не мужчинское имя». Потом вдруг спросила:

— А как выходят замуж?

На что Вика исчерпывающе ответил:

— Далеко...

3 февраля 47.

Саша:

— Мама, Галя моему папе ведь падчерица, а почему же он ее любит?

(Это всё народные русские сказки!)

*

Саша мается:

— Ну как же выходят замуж? Вика говорит, что далеко. Но как, как? Галя, скажи, как выходят замуж?

Галя (неохотно отрываясь от книги):

— Замуж? Очень просто. Встретятся, полюбят друг друга, поцелуются, на радостях попируют, вина попьют. Вот и получается — вышли замуж.

4 февраля 47.

Шура, не без намека, прочел Саше такие стихи: «Красная рубашка, синие штаны, никому плохие дети не нужны».

Уязвленная, Саша придумала в ответ:

Синяя рубаха,

Карые (*произношение няни Нюры*) штаны,

Никому плохие

Мужчинцы не нужны.

Жарким шепотом говорила мне на ухо: «Как ты думаешь, папа догадается, что это — про него?»

*

Галя часто говорит о том, что будет писательницей. (Я говорила то же самое, когда мне было 9 лет.) На днях я нашла листок, на котором сверху было крупно выведено: «Пожар!» Насколько я могу судить, задумано, так сказать, большое полотно.

«Как-то летом стояла засуха, везде валялся (волялся) сухой мусор. У одного помещика (помещека) была хорошая усадьба. Сторожил ее сторож. И вот, в полночь, сторожу стало жутко и холодно. Он решил закурить. Сторож закурил папиросу и от нее упала искра. Но сторож ничего не видел. Он спал. Вдруг забили в колокол. Это запоздалый прохожий увидел пожар. Сбежалась молодежь (без мягкого знака). Подоспела скорая помощь, сторожа увезли...»

На этом рукопись обрывается.

*

Когда кто-нибудь приходит в гости, обе девочки словно с цепи срываются: орут, пристают, жалуются друг на друга: «Мама, Галя палец сосет!», «Мама, Саша ябедничает!», «Мама, Галя меня обзывает!», «Она сама меня обзывает!»

Отлупить их не могу — совестно перед гостем.

Попрошу тихим голосом — умолкнут на минуту, и снова.

Сейчас, вечером, когда Саша уже улеглась, я долго беседовала с Галей по всем этим поводам. Она смотрит довольно-таки недоумевающим взглядом и, кажется, искренно ничего не понимает.

10 февраля 47.

В квартире одна девушка по имени Мила избивала свою старую тетку. Было много суматохи, звонили в милицию — Анисья Ивановна сидела у нас и плакала. Сегодня утром Саша проснулась, по обыкновению пришла ко мне, полежала немного, а потом задумчиво сказала:

— Мила — фашист!

Очень правильно.

*

Шура принес детям калейдоскоп. Первое, о чем спросила Саша, рассмотрев игрушку: «А как это можно испортить?»

У пушкиниста И. Л. Фейнберга Саша спросила (видя его благожелательное к ней отношение):

— Я вам нравлюсь, что ли?

Спросила без тени кокетства, очень просто и, видимо, с одной целью: установить истину.

*

Саша:

— Мама, ты не сердись, я хочу тебя спросить: чего ты выпучила глаза?

19 февраля 47.

Саша:

— Пирожные — это дети торга.

Она же:

— Папа, братья у всех бывают или только у хороших людей?

Читает уже довольно бегло.

*

Саша:

— Мама, подойди, я скажу тебе по секрету: я непременно буду волшебницей. И пусть папа не беспокоится, я сделаю так, что он снова станет хорошо видеть. Только ты пока ему ничего не говори.

22 февраля 47.

Уже неделя, как у Саши болит ушко. Извелась, плачет, плохо спит.

Шура прочел ей сказку об Оле-Лукойе. Теперь все мысли, все вопросы — о нем.

Саша:

— Мама, мне сегодня снился странный сон. Я лежу, лежу и вдруг мне снится, что вокруг земли — какой-то золотой песочек и все, даже маленький ребенок, а не только Оле-Лукойе, может так наколдовать, чтоб его можно было есть. И меня одна старушка угостила этой землей. И она была вкусная, как яблоко.

*

Саша:

— Мама, папа принес мне яблоко, и я хочу дать тебе половину: я же не какой-нибудь немец, чтоб ни с кем не делиться!

23 февраля 47.

Галя, возвратившись из школы, еще с порога:

— Мама, какое у тебя настроение? Если плохое, то станет хорошее. Была городская контрольная по арифметике, и я получила 5. Нам эти тетради не выдают, но я сказала Евгении Карловне: «Знаете, какое бы ни было у мамы хорошее настроение, если я приношу двойку, или тройку, у нее становится плохое настроение. Какое бы у нее ни было плохое настроение, если я приношу пятерку, у нее становится хорошее настроение. Поэтому мне очень хочется показать ей тетрадку. Конечно, она мне и так верит, но ей будет приятно посмотреть». И Евгения Карловна сказала: «Правильно!» и дала мне тетрадку. Вот, можешь посмотреть!

24 февраля 47.

Когда я болела, Саша подходила к телефону, давала справки о моем здоровье, а потом, повесив трубку, говорила: «Тебе велели кланяться!» и кланялась низко-низко, почти до самого полу.

Саша — мастер телефонного разговора. На все вопросы отвечает исчерпывающе. К примеру: «Папа пошел в “Новый мир”, мама купает старшего ребенка, а с вами говорит младшая дочь Саша».

Или: «Папа в “Литературной газете”, мама ушла в редакцию, Галя читает книгу, а тетя Нюра ставит пироги».

Поэтому, когда Шура позже снова звонили из Мосфильма, то прежде всего спросили: «Как пироги?»

*

Саша:

— Мама, у зверей, у животных тоже 5 пальцев? А у фашистов неужели же, как у людей, — 5 пальцев?

Интересно, как она представляет себе фашистов?! Вроде Бармаля, вероятно.

25 февраля 47.

Галя гуляла — на Патриарших прудах, каталась на санках и подвернула себе ногу. Услышав, что это помешает ей завтра пойти в школу, отчаянно расплакалась. Шуру это безмерно удивило: он считает, что мечта каждого нормального ребенка не ходить в школу.

Вчера Саше было очень плохо. У нее болело ухо, она плакала. И, между прочим, жаловалась на то, что у Гали есть своя колыбельная, а у нее, у Саши — нет [А. И. Кулаковский, *Галин папа, сочинял для нее песенки, в частности, колыбельную, где припев был: «Ты каковская? Кулаковская. Значит, спи»*. — А. Р.]. Несчастный Шура, который готов был на всё, чтобы утешить ее, тут же сел за письменный стол и немедленно накатал песню (на мотив Моцартовской «Колыбельной»), где есть такие строки:

Галя свой палец сосет,
Мамочке спать не дает.
Саша, скорей засыпай.
Сашенька, детка, бай-бай.

Галя немедленно парировала удар, сочинив такие строки:

Шура ногами не спит.
За Сашей с тревогой следит,
Как тихо она засыпает,
Как она плавно вздыхает.

Это довольно точно: Шура ложится не раньше четырех утра, так как считает необходимым наблюдать за тем, как... спит Саша.

Саша тоже вступилась за Галю, переделав две строчки на другой лад:

Галя палец не сосет,
Маме спать она дает.

*

— Галя, почему у тебя лицо и руки в чернилах?

— Это я думала над задачей.

*

Страстно мечтает о том, чтобы ее приняли в пионерки.

26 февраля 47.

Утром у Гали отчаянно разболелась нога, она плакала, стояла, жаловалась. Был врач, сказал, что вернется через несколько часов и поставит гипс.

Очень не везет: уши, ноги.

27 февраля 47.

Вчерашний день был ужасен: Галя мучилась с утра до вечера. В 5 ей поставили гипс, но боль не прекратилась. Бедняга пыталась уснуть, начинала сосать свой излюбленный палец, но и он не помогал. Часам к десяти вечера вызвали неотложку. Оказалось, что гипс был наложен слишком туго и чересчур высоко. Перебинтовали, положили пузырь со льдом, и Галя мгновенно уснула, блаженно повторяя: «Умный старый доктор!»

А доктор действительно был старый-старый, лысый, полуслепой и глухой. Но дело свое сделал ловко, быстро, все время приговаривая: «Не кричи, не кричи, помни, что удел женщины страдать и терпеть, а ты маленькая женщина... не кричи, говорю...»

Всё ваши спорты... или как их там... физкультуры... Гм... врачи... гипса наложить не сумели... Ну, о школе, голубчик, пока забудь... Как? Хочешь в школу? Гм... А мы из гимназии бегали... да, бегали... Скажите, пожалуйста, в школу хочет!..»

Фамилия умного старого доктора — Боголюбов.

*

На днях я сказала:

— Самое большое удовольствие в жизни — спать.

Гали со мной спорила:

— Нет, самое большое удовольствие в жизни — учиться... и получать пятерки...

*

Про Шуру в андерсеновской сказке «Аисты» я нашла очень точные слова: «Неподалеку от гнезда, вытянувшись в струнку и поджав под себя одну ногу, стоял сам аист-отец; *ногу он поджимал, чтобы не стоять на часах слишком уж с большим комфортом*».

*

У Гали нашли кривой перелом малой берцовой кости.

3 марта 47.

Саша:

— Мама, если Золушка так уставала от работы, то почему она не уезжала в отпуск?

*

Вчера приходил профессор и установил, что Саша здорова. Проверяя Сашин слух, он шепотом говорил ей: 18... 21...

Саша смущенно улыбалась и молчала, видимо, боясь ошибиться. Тогда умный папа Шура посоветовал доктору:

— Скажите что-нибудь вкусное...

— Яблоко, — прошептал профессор.

— Ой, яблоко! — воскликнула Саша.

Профессор:

— Конфетка.

Саша, с нежностью в голосе:

— Конфетка!

Исправно повторила: «ветчина», «селедка» и прочее.

Не ожидая от профессора ничего доброго, Саша сказала при встрече с ним:

— Мне сразу вся жизнь надоела!

6 марта 47.

Саша:

— Мама, а на улице бывает душно?

— Бывает, летом, когда очень жарко.

— А как же тогда проветривают? Улицу как проветривают?

23 марта 47.

Стенографически зафиксированный диалог папы Абы с папой Шурой:

Папа Аба:

— Как здоровье Сашеньки?

Папа Шура, взволнованно, с тревогой:

— Она два раза чихнула!

Папа Аба, философически:

— Что ж, скажите ей: «На здоровье!»

*

Саша:

— Вот мне будет семь — и я пойду в школу... Вот мне 18 — и я уже студентка... Вот мне 20 — и замуж пора!

*

— Мама, я в чернила не лезла, а руки у меня синие — что за чудеса!!!

— Мама, зачем только на свете есть врачи, и зачем только люди болеют?!

— Мама, вот этот писатель Евгений Чарушин, который написал «Волчишко», — он живой?

— Живой.

— И счастливый?

— Счастливый, наверное.

— Вот хорошо!

(Саша долго горевала, узнав, что Пушкин, Ершов, Ушинский — умерли.)

Саша
и Петруша
Пророков.
16 мая
1947 г.

28 марта 47.

Саша была совершенно подавлена, узнав, что Буш, написавший такую веселую историю про Плиха и Плюха — немец. Долго не могла примириться с этим обстоятельством.

Сегодня же она спросила:

— Мама, «Ганс» — это ведь немецкое имя?

— Немецкое!

Саша, испуганно:

— А как же тогда Ганс Христиан Андерсен?

Видно, отдать немцам Андерсена и Оле-Лукойе она была просто не в состоянии.

31 марта 47.

Саша:

— Мама, младших сыновей, видно, всегда зовут Иванами. И только очень редко Емелями...

5 апреля 47.

Саша:

— Мама, я слышала, как ты раз сказала, что с детьми жить тяжело. Мне это было неприятно слышать.

(В голосе — упрек.)

7 апреля 47.

Саша распевает странную песню, уверяет, будто сама сочинила ее:

Пошли в домоуправленье,
Нужна заявленья!
Выпили водки,
Соскочили с лодки!

18 апреля 47.

Прочитав у Андерсена, что сын жабы говорит: «Коакс-коакс-брекекекекс», Саша спросила: «Это — по-жабски?»

19 апреля 47.

Саша:

— Папа, почему снег белый?

Шура:

— Потому что Я так хочу.

27 апреля 47.

Саша:

— Мама, вор, немец, разбойник — это одно и то же?

28 апреля 47.

Галия вступила в пионеры. Уже за несколько дней до этого весь дом до Шуры включительно был охвачен безумием: белая кофта! Синяя юбка! Обязательно две косы! Белые ленты!

Легко сказать — две косы, если и одну-то трудно устроить при таком количестве волос. Однако сделали. И кофту сообразили, и юбку. Кроме того, Галия заявила, что все мамы должны написать для вступающих в пионеры характеристики. При этом одна мама была поймана на жульничестве: она написала, будто ее дочка Рита — образец всех добродетелей: послушна, опрятна, правдива, вежлива и т. д. Оказалось, что все это не так. И просто даже — всё наоборот. Всё это Галия рассказывала с волнением и удивлением, потому как хорошо понимала, что я характеристику, полную вымышленных достоинств, не напишу ни при каких обстоятельствах.

Галия взволнованно шагала по комнате, пока я сочиняла такую характеристику:

«У Галии есть много хороших черт в характере. Она очень правдива: я верю каждому ее слову и знаю, что она никогда не обманывает.

Галия отзывчива и добра и всегда поделится всем, что у нее есть.

Галия любит книгу, много читает. Она честно относится к своим обязанностям. За три года ни разу не опоздала в школу и даже во время своей болезни не переставала заниматься.

Однако у Галии много недостатков — и очень серьезных. Она бывает резка и даже груба со взрослыми. На днях она так небрежно, так грубо говорила со своей бабушкой, что я не могу без стыда вспомнить об этом.

Потом, и, по-моему, это тоже очень серьезный недостаток: у Галии нет силы воли, нет твердости в характере, она не умеет преодолевать препятствия. Если ей что-нибудь не удастся, она огорчается, сердится и бросает начатое дело».

Галия прочла и молча положила в конверт.

Вернувшись из школы, была очень счастливая. Не сняв пальто, схватила свой форменный передник, отпоролла звездочку и прикрепила пионерский значок.

10 мая 47.

На днях к нам пришел папа Аба. Он был очень усталый, прилег на диван и уснул. Саша посидела около него, а потом вдруг вскочила, побежала к своему столику, схватила флажок, ленту, вернулась к папе и стала тихонько помахивать флажком около его лица. Потом лентой, потом снова флажком.

Я спросила:

— Зачем ты это делаешь?

Она ответила:

— Я показываю ему сны.

*

Саша:

— Мама, муха какая счастливая... Она летать может... А мы нет...

Саша:

— Мама, от петуха, так же, как и от козла, пользы нет никакой?

В день рождения Сашу повели на Никитский бульвар снимать: там уже ждала Соня Лаписова [2] с Петрушей и фотоаппаратом.

22 мая 47.

Я прихожу домой замученная и голодная.

— Хочу есть! — говорю я.

— Тетя Анися! — вопит Саша. — Мама хочет есть, дайте ей обедать!

— Вот ты и дай, — отвечает Анисья Матвеевна. — Ты дочка.

— А вы — помогательница! — возражает Саша, которой, к счастью, еще неизвестны дурацкие слова «домработница», «прислуга». [Как мы видим, няню Нюру сменила Анисья Матвеевна. Домашние работницы менялись часто. Обычно это были женщины, бежавшие из колхозов от голода. Устроившись и оглядевшись, они, бывало, находили работу, где давали общежитие, или — очень частый случай у нас — выходили замуж. — А. Р.]

*

Саша пробует слова на вкус:

— Снегирь... — шепчет она. — Снегирь... А детки его — снегирьки, снегирятки, снегурки... Дочка снегиря — снегурка... Снегурочка...

23 мая 47.

— Саша, папа работает — не бегай!

— Саша, папа работает — не стучи!

— Оставь мяч! Папа работает!

— Папа работает — не топай!

Саша, робко:

— А дышать мне можно?

*

Саша:

— Мама, милая, как я тебя люблю, как обожаю... Какая ты моя радость... Я так тебя люблю, что и рассказать нельзя... Я тебя очень, очень-очень-очень-очень-очень обожаю-обожаю-обожаю! Обожаю!

И замолкает, пораженная, понимая, что слова они, в сущности, бессильны и сколько ни произноси, ничего ими не выразишь.

11 июня мы переехали на дачу.

*

Саша:

— Мама, смотри, какую Галия устроила сегодня *обманию*: вышла за калитку и кричит: «Мама приехала!» Я побежала, а тебя нет, а Галия стала дразниться: «Оглядка, соленая пятка!»

*

— Мама, Галия всё дразнится... Я всё думаю — как бы мне ей ответить? Я буду кричать: «Галка-палка-кишка — никому не нужна!»

*

Саша:

— Мама, дорогая, я тебя никогда не покину!

Говорит это почти со слезами. Что она имеет в виду — для меня темно.

18 июня 47.

Возвратилась домой поздно, нашла Сашу уже в кровати.

— Мама, присядь ко мне, я тебя поцелую. Ты Галию уже видела?

— Да.

— Она тебя поцеловала?

— Нет.

— А обняла?

— Нет.

— Вот видишь.

Пауза — и потом:

— Мама, кого ты больше любишь — меня или Галию?

— Одинаково.

Саша, уныло:

— Мама, ну люби меня больше, хотя бы вот на сто-о-о-лечко!

*

Галия занимается английским. Иногда силится обращаться ко мне по-английски.

На днях Галия встретила меня и по дороге с возмущением рассказывала:

— Знаешь, я решила со Славой не водиться. Ты подумай, какой он. Я ему говорю, что дружу с Шуриком, а он презрительно спрашивает: «Это сын молочницы?» — Я говорю: «Да!» А он насмешливо засвистел. По-моему, это гадость.

— Может, он не насмешливо засвистел, а просто так? — робко говорю я.

— Нет, я уж знаю, как он свистел. По-моему, это просто отвратительно.

12 июля 47.

Саша сидела рядом со мной и долго рассказывала мне, какой Сева плохой. И потом, без всякого перехода:

— Ну, я пойду к Севе.

Я очень удивилась:

— Зачем же ты к нему идешь, если он такой плохой?

Саша ответила:

— Не могу же я без дружбы сидеть всю жизнь? Я без дружбы не могу даже четыре часа!

(Продолжение следует)

[1] Героиня книги Е.Ильиной «Четвертая высота».

[2] Сослуживица Ф. А. по «Комсомольской правде», жена художника Бориса Пророкова, Петруша — их сын.

Жило-было...

Елена Супранова

Елена Павловна Супранова живет во Владивостоке, преподает в колледже, пишет стихи и прозу. Печаталась во многих журналах у нас в стране (в том числе в «Семье и школе») и за рубежом. Член Международной гильдии писателей. Лауреат конкурса «Литературная Вена», победитель конкурса «Русский Stil» 2010 (Германия).

Жили-были...

Жил-был...

Жила-была...

Жило-было... Было да сплыло.

— Говорил же: поплывет! Вот оно: плывет!

— Всплыло и плывет себе... Ну!

— Еще пару минут — и всё! Там поворот крутой...

— Не увидим больше. «Там поворот крутой делается с рекой...»

— Поете... Вам, Первоуродов, ничего нельзя доверить серьезного. А вы, Горбушенков, годитесь разве что в смётчики.

— Это как понять: смётчики? А, Пал Егорыч? Смётывать одежду, что ли? Портной, по-вашему выходит, я? Или кто?

— Бывало, когда зерно всё выметут из склада, бабка Агафья кричала нам: «А ну, смётчики, зараз хватайте метелки, и чтоб ни одного зернышка не закатилось в угол!» Чисто вымели до нас, лишь по углам будто кто-то пшеницу не заметил. Но все законно. А мы, шестилетние, — ладошками, ладошками... Иной раз домой приносил два кармана пшенички на кашу. Мать радовалась: ей-то за трудодни ставили одни палочки.

— Плывет себе... Уплывает же!..

— А чего ему сделается: оно-то больше ничего делать не умеет.

— Чего ему уметь-то?! Живое оно, что ли? *Живое!*.. А коли живое...

— Живое?.. Ишь, оно вроде бы шевельнулось там... побарахталось...

— Павел Егорыч, а Павел Егорыч? Если оно без рук-ног, то чем же ему тогда барахтаться? Шлёп, шлёп — слышите?

— Может, хвостом?..

— Тулово — бревном, а брюхо выпирает... Ног-то не было у него! И рук.

— Плюхает и хватается за воду — чем?

— Точно, Полукаров, нечем ему плюхаться. Но ведь слышно же: плюхается.

— Павел Егорыч, оно фыркнуло сейчас!..

— Сейчас фыркнуло!.. А ведь ему нечем, Саня, фыркать. Не-чем. Это обман слуховой. Вот, сейчас точно: мне тоже почудилось, что оно чихнуло. Даже такое вот, знаете... эдакое...

— Вы как хотите, мальчики, а ведь и я слышала: чих!
— И Зое Верещагиной не показалось, и она тоже услышала. Чихает...

— Сань, Сань, подгребает оно...

— Ой, мамонька, подгребает!.. Ты же сам говорил, что рук-ног нет!

— Не было, факт! Гребет-то как споро... Оно.

— Согласен: Оно. Несу Его, а Оно будто тяжелеет у меня в руках, наливается... Я и выпустил у берега... Оно и поплыло... Ха-ха!

— Первородову всё хихоньки да хаханьки. Почему меня не спросили, умники, когда такое затеяли?! Я все-таки взрослый, учитель наконец... Хотя и на пенсии.

— А то что бы?

— А то бы! Троечники за что бы ни взяли, у них выходит абы как. Вот я бы не упустила! Да, Павел Егорович?

— Гм... Гм... Зоя, тихо, тихо!..

— Уф, подгребло. Вот Оно, вот же! Поблескивает себе... Нет у Него рук-ног. Чем же Оно чихало, если и носа нет? Фыркало еще.

— Может, засунем его в сумку? Засунем, а? Легче нести будет.

— Ну, головой вниз попадем, ему же плохо станет или еще чего...

— Лично я не согласна: чтобы Его — головой. Они, Павел Егорович, такого напридумывают, что мы с вами до-олго потом исправлять будем. Я — против!

— Против чего, Зоя?

— Не против чего, а против того, что Его к Милованову понесут.

— Он, во-первых, с нами не ходил, во-вторых, Милованов здесь ни при чем, да и Зойка тоже...

— Как же? Я думал, Его нашли вы, Зоя. Разве не вы?

— Выпёхивается на берег!.. Ишь, раскачивается, сейчас, сейчас Оно...

— Вот. Оно выпихнуло себя на берег. Само. Себя. Все и видели. У Милованова родители еще неделю будут на курорте, старшая сестра лишь забегает проведать да покормить, у нее своих забот хватает. Точно, снесем Его к нему. Лучше бы ко мне, да теща у меня сварливая. Слух у нее обостренный... До всего ей дело есть.

— У Павла Егоровича бабушка Лукерья похожа на Бабу-Ягу. Хи-хи! Мама рассказывала, что она даже в партизанах была. Уж очень боевая она у вас, Павел Егорович!

— В ноябре сто лет праздновать будем, может, поутихнет тогда. Ох, и командовать она горазда!.. Ко мне со всем уважением, часто блинами потчует, со сметаной. Моя-то Анна поспать утром любит, а мать-старушка за нее отдувается. Нам-то далеко за семьдесят...

— Рано бабушка встает у вас, до всего ей дело есть, а то можно бы и к вам, да, Павел Егорович?

— Глядите, Оно кругнулось — вжик!

— Ишь ты!.. Моя Анна не даст — чтобы ко мне. За мать переживает, за бабу Лукерью: сердце у той стало сдавать. А то бы я к нам взял... У меня и комнатенка есть подходящая, с отдельным входом.

— Всё, решено: к Милованову, а там будет видно.

— Разве не вы, Зоя, Его нашли? Я думал вы. Кто же Его нашел?

— Шёл я себе... шел, Пал Егорыч, между сараем и копёшкой сена, по ничейной земле... Иду я... Земля-то ничейная, не Сафоновых и не наша. Заросла лебедой да крапивой. Там, Пал Егорыч, крапива такая жалющая, такая жалющая!.. А Оно — вот, ну, у дорожки лежит, пыхтит...

— Пыхтит? Это как?

— А так: пых, пых! Хочет через бревнышко перелезть, но — никак. Бревно так себе, сантиметров двадцать диаметром, а Оно пыхтит, тужится... Я взял да и...

— Страшно было?

— Не-ет... Жалко Его стало. Думаю, маленький какой, даже через бревнышко перелезть не смог... Я таким неумехой был в три года...

— Жалко? Вы, Первородов, извините меня, пожалуйста, за сравнение, как тот дятел: жалко да жалко, тук-тук, тук-тук... Кого жалко? Оно разве *живое*?! Как вы, Леша, Его могли пожалеть, если неизвестно, *живое* ли Оно?

— Вот Оно лежит и... Оно же дышит! Слышите? Боря, Санька! Ды-шит. И воздух всасывает, словно Оно младенец, посапывает даже...

— Да слышим мы! Младенцы не могут плыть... по волнам. Они беспомощные.

— ...Ух ты!.. И вот Оно лежит себе у дорожки, кругом одна крапива, жгучая...

— Ах, крапива!.. Всё, Павел Егорович, лично я Его могу и к себе взять. На время, конечно. Но только, вы же знаете, моя Муська Его оцарапает, если я не успею ее отогнать. Нам родственники ее в корзине из Монголии привезли, породистая.

— ...В той крапиве есть лаз к нашему сараю... Я и решил Его туда. Тихо так лежит у меня на ручках, пригрелось, жмурится на солнышке и...

— Чем — жмурится? Ладно. Думаете, Леша, Оно — младенец? Так-так... А чем же Оно питается, как думаете? Есть мнения?

— Мне все понятно. Лично я, Павел Егорович, думаю, нет, я уверена, что Оно живет и существует за счет внутренних резервов или даже ресурсов.

— Зоя, вы что же, как вас понимать: выходит, Оно *живое*?

— Я не утверждаю, я предполагаю. Дети все розовые, сама видела! А этот даже чмокает во сне. У кого есть другие мнения?

— Может быть. Может. Быть. Ты отличница, вот тебе и делать выводы. А только и я на этот счет имею свое и тоже личное мнение.

— И оно другое? Говорите, Горбушенков, если оно иное.

— Я согласен с Пал Егорычем, что нести Это нужно к Милованову — безвариантно. И еще. Раз есть ребенок, так есть и родители!

— Боря, вы правы... Еще в шестом классе вы поражали меня неординарностью своих мыслей. Но продолжим слушать Первородова Алексея.

— ...Взял я Его на руки. Несу. А Оно дышит и как-то... пѣхается. Тык-тык, тык-тык. Чуть качнул, припотряс Его чуток. Маленький какой, кушать хочет!.. Тычется и сопит. Толчки ощущаю, а вот чтобы Оно явно тыкалось — не вижу. Но чувствую. Поклад Его в сарае на колоду... Положил то есть... Колода огромная!.. Лежит. У меня вдруг мысль: а вдруг Оно свалится? Все же маленький Он... Оно... Подумал так, и давай место искать пониже и пошире...

— Шире, место пошире. Так не говорят грамотные люди...

— Тише ты... отличница! Леха, дальше-то что?

— ...Взял да и перекла... Я Его положил прямо на сено. На сене Оно заспело, заурчало да и уснуло себе.

— А корова?

— Наша Милка пришла вечером, потерлась боком о ворота, сразу же — в калитку и к сараю. Там мать пойла ей сготовила, потом давай ее доить... Выдоила Милку, молоко процедила, ведро с молоком поставила на лавку и накрыла марлей. Меня увидела и окликнула: чего домой не иду? Потом она с Милкой поговорила... Заснул я. Проснулся от ее крика: мол, я (!) разлил молоко, целое (!) ведро! Я же спал, говорю. Не поверила. Влетело мне тогда.

— Выходит, Алексей, вам неизвестно, куда молоко подевалось, да?

— Известно. Я когда спал, то слышал, как Оно чмокало, то есть сосало наше молоко.

— Само? Не трогаясь с места?

— Ага. Само. Не трогаясь с места. Первый сон у меня всегда чуткий, вот ведь беда!.. Я не видел, но все-все слышал. Оно его высосало, не вставая с места. Я тогда и решил отнести Его к Милованову, а то мать у меня с того раза строгой стала, жуть!

— Исторический факт... Вы, Алексей, прямо герой у нас в селе! Я хотел сказать, что из таких молодых космонавты выходят. Боевой и даже изобретательный.

— А из нас?

— Из вас?.. Без сомнения. Тоже когда-нибудь и вы станете... Леша, а он по весу — тяжелый?

— Так себе. Нашей Катьке скоро пять, так она легче будет.

— Да ну?! Оно, выходит, тяжелое...

— Пал Егорыч, вы взрослый, у вас ловчее получится, берите вы Его.

— Не-е... У Пал Егорыча радикулит был весной, помните? Ка-ак скрючит его, так он сронить может.

— Озаботился, как же! Тебе разве не известно, Первородов, что взрослые всё-всё делают лучше?! Тоже мне — «сронить». Так неграмотно говорить!

— Леша, голубчик, берите вы. Ведь вы уже Его несли, ощущали в своих руках... Да тут и недалеко. Зоя, вы часто несправедливы к нему.

— Да что вы все: уронишь, уронишь! Я нашу Катьку так таскал!.. Вон она какая — живехонькая! Еле от нее сейчас убег.

— Ну вот, сколько ему говорить об одном и том же: «убег»?.. Павел Егорович, все же лучше бы вам.

— Берите, Леша, а вы, Боря, помогайте ему. Коля, подстраховывайте!

— А я? Я лишняя?

— Зоя, бегите впереди, чтобы никто не попался по дороге, а то шуму будет...

— Опять пёхается. Неудобно взял Его. Переложу... ой... перекладу... В общем, по-другому возьму Его. Затихло Оно...

— Боря, Боря, не прилипайте к Леше, мешаете!

— Колька, открой ворота, там вертушка в прорези! Хорошо, что мать в конторе еще, и Катька не бегает во дворе. Айда к сараю!

— Вот тут бы Его и оставить... Все-таки корова рядом, и от посторонних глаз спрятать легко. Да, Павел Егорович?

— У Миловановых было бы легче досматривать, у них дом большой, и родители в отъезде. Лежит тихо...

Жило-было...

— Ага, тихо лежит. Только глазами лупает...

— Глазами? Какими такими глазами? Где они у него?

— Откуда я знаю... Рассматривает... Смеется даже...

— И мне так кажется...

— Саня! Вам тоже такое мерещится?

— Да, Павел Егорыч, изучает нас...И подросло Оно вроде... Желтого цвета прибавилось вот тут...

— Подросло... Еле донес, даже руки онемели. А ну, не мешайте мне! Я его буду сейчас ложить.

— Всё, всё: ложить так ложить. Если Оно нас изучает, тогда мы должны завести с Ним умную беседу, хорошо себя показать. Да, Павел Егорович?

— Я посмотрю на тебя, такую умную! Беседе она начнет!..

— Пускай уж лучше она начнет, все-таки языкаястая, факт.

— Фи! Хорошо, пускай я. Буду громче говорить, чтоб понятней. Скажите, пожалуйста, сколько вам лет? А? Молчит.

— Так Оно и скажет тебе...

— Наша Катька до трех лет молчала, а потом как пошла, как пошла!.. Теперь и не останавливать ее. Одними стихами Михалкова и Маршака говорит. Чуковским ругается!.. Тоже, небось, отличницей будет.

— Я больше не знаю, о чем спрашивать. Давайте вы!

— Будьте добры, пожалуйста, если вас не затруднит, ответьте на такой мой вопрос: откуда вы и как сюда попали? Молчит, ребята.

— Оно потому молчит, Пал Егорыч, что языка нашего не понимает.

— Что ж, Боря прав. Надо будет Его обучить нашему языку, какие-то занятия провести, что ли. Саня, вы ведь по-иностранному лучший ученик?

— Еле-еле за Верещагиной успеваю. Лишь в последней четверти сравнялся, пятак получил. Все вечера трачу на этот занудный язык. Отец уже достал меня: выучишь лучше Зою, тогда в Москву возьму на каникулах. Ей-то хорошо, она отличница, им, отличникам, легко учить...

— Лежит Оно и смотрит на меня!.. Я же ни бельмеса не понимаю по-английски! Еле-еле тройка поставила англичанка. Мать ей три

десяток яиц отнесла в конце четверти, еще и сметаны литр. Ой, Оно мне сейчас сказалось...

— Тебе? Мы ничего не слышали...

— Там сказалось, прямо в голове как-то там... Сказало, что хорошо меня понимает. Вот. Мне. Сказало, что бра... благодарит за приют...

— Еще бы: выцедило ведро молока Милкиного!

— Леш, ну тогда поговори с ним ты! Ну поговори, Оно же нас не понимает!

— Что же, Алексей, Оно выбрало вас.

— Я тоже хочу с ним пообщаться!

— Саня, помолчим. Вы, Леша, спросите Его, о чем хотите!

— Спросил.

— Мы не слышали. О чем спросил?

— Я не вслух спросил.

— Как это?

— Он про себя спросил, без голоса, только в голове мысль сформулировал, не высказывая вслух. Да, Алексей?

— Говорит, что... Я спросил Его, Пал Егорыч, о чем Оно сейчас думает. А Оно мне свой вопрос: где у нас тут... э-нер-ге-ти-че-ска-я под-пит-ка?

— Мы-то считали, Оно маленькое, ребенок еще... А-а, понятно... Сейчас вот вроде бы с их стороны кто-то из взрослых вмешивается в разговор... Или нет?... Я не все понимаю... Будто кто-то мне в голову эти слова вдолбил кувалдой, да только они рассыпаются на буквы, как мозаика... Не удержать мне их в голове...

— Может, Оно спросило про нашу подстанцию за элеватором, у Дальнего косогора? Там всегда замок висит.

— Правильно, что замок, а то еще током кого ударит. Вот я помню, отец рассказывал...

— Потом, Саня, потом. Вечереет. Можем и не успеть. Думаю, Оно про подстанцию поняло. Спросите, Его, Леша, откуда Оно?

— Говорит, из созвездия Весов. Опять кто-то подправляет его: звезда второго порядка.

— Ого! Второго порядка, значит, есть еще и первого. Спросите, Леша: сколько их тут у нас?

— Ответило, что много. Оно с родителями было, а потом... спряталось от них. А они подправили: выпало из поля защиты. Рас-ша-ли-лось...

— Я так и думал: Оно ребенок и есть! А кто Его родители?

— Говорит, что путешественники, в отпуске они. Изучают нашу... фро... флору и фауну. Слова трудные, надо будет запомнить.

— Что тут запоминать, мы это прошли еще в третьем классе по природе!

— Зоя, тише! Так-так... А вдруг родители Его не найдут?

— Они говорят, это невозможно, чтобы не нашли. Сейчас они всё ... ну... в общем, исправят всё сейчас. Им перед путешествием вживили... такую штуку... такую малюсенькую... вроде бусинки. У них это есть у всех, никто не потеряется.

— Вживили?... Оно *живое*, не робот!

— Робот!.. Вы уже и об этом думали, Боря? Ладно. Стемнело как быстро. Как же мы Его тут оставим одного? Надо бы организовать дежурство.

— Не надо дежурства, Пал Егорыч, не надо. Я быстрехонько домой сбегаю, мать успокоится, ну, что пришел наконец-то. Потом на бегу поем чего-нибудь — и спать...

— Спать?

— Понарошку. А сам нырну в окошко — да в сарай к Милке. Вот и Милка вернулась. Слышите? Боком трется о ворота. Сейчас мать выйдет ее встречать. Вышла, калитка скрипит... Отец наказал смазать дегтем петли, а я забыл... Завтра мне достанется...

— Ладно. Поздно уже. Утром после восьми — все сюда. Коля, не проспай! Ты, помню, всегда на уроки опаздывал.

— Не проспай. Я... я вообще ложиться не стану. Тут такое, и чтобы я да проспал!..

Потом, лишь стало светать, задул сильный ветер, прямо-таки смерч пронесся над Дальним косогором села Верёвки. Но потом утихло, народ разошелся по своим работам, рассказывая друг другу про ветер, шум, кивая, соглашаясь, что да, ветер сильный был, провода перепутывал, даже лампочки враз потухли... Подумали: надолго. Ан нет, все опять ярко загорелись. Нашумело знатно.

В сарае Милка мирно жевала свежее сено: ее побоялись выгнать в стадо на луг. Леша искал банку с дегтем, чтобы смазать ворота; нашел ее в сарае на колоде, перевернутой; дегтем была вымазана и колода, и сено извожено рядом. Он поскреб затылок, что-то припоминая. Но память не удержала событий предыдущего дня, а ведь было, было... Будто сон приснился, но, проснувшись, и не вспомнить уж...

Калитка вдруг сама собой перестала скрипеть, заодно и ворота, словно петли кто-то густо смазал дегтем. Кто бы?

Иллюстрация С. Шведова и В. Дмитриюка

И у бисерного зайчика есть сердечко

Бисерные зайчики могут быть любого цвета, например синего.

На одного зайчика уйдет около 5 г синего бисера (мелкого или среднего размера). Подберите бисер такого же размера для сердечка (18 розовых бисеринок) и для глаз (4 темные бисеринки). А вот для хвостика и кончиков лапок можно взять белые бисеринки покрупнее (17 штук). Еще приготовьте яркую бисеринку для носа, 7–8 бисеринок для лепестков, одну бисеринку для серединки цветка и 7 зеленых бисерин для палочки. Кроме того, вам понадобятся прочные синие нитки и бисерная иглолка.

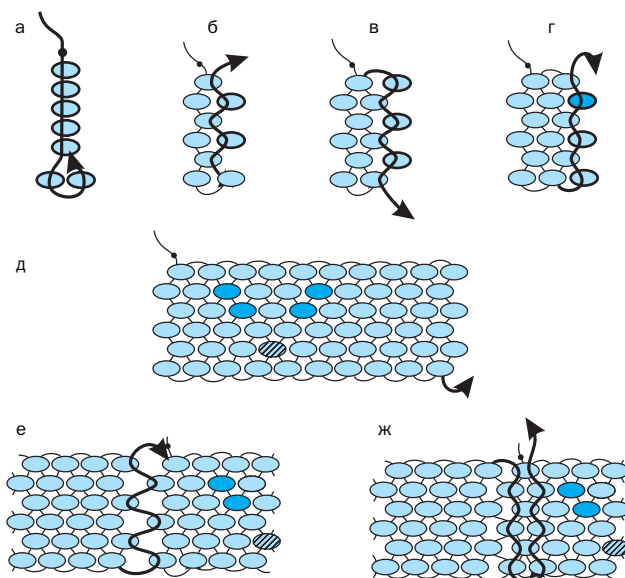
Бисерные изделия желательно низать на двойную нитку. Проверьте, подходят ли нитки и иглолка вашему бисеру. Для этого возьмите иглолку с ниткой и наберите несколько бисеринок. Проденьте иглолку через эти бисеринки еще два раза. Если иглолка в третий раз идет туго, придется низать на одинарную нитку или подобрать иглолку потоньше.

Вденьте в иглолку нитку длиной 1,4 м (при работе с двойной ниткой это длина нити, сложенной вдвое). На расстоянии 5–7 см от конца нити сделайте большой узелок или привяжите вспомогательную бисеринку-узелок, отличающуюся по цвету от основного материала. На схемах узелок обозначен маленьким черным кружочком.

Голову зайчика низайте в технике мозаика «пейот», как показано на рисунках 1а-г. Жирной линией на схемах выделены бисеринки, добавлен-

Рис. 1

ные при выполнении очередного шага. В процессе низания натягивайте нитку. Выполните полоску длиной в 10 бисеринок (рисунки 1д). Штриховкой обозначена синяя бисеринка, к которой позже будет прикреплен носик.

Натяните оба конца нити: и с узелком, и с иглолкой. Сложите полоску трубочкой и соедините концы полоски (рисунки 1е). Затем пропустите нитку по ходу низания через два первых ряда (рисунки 1ж). После этого нитка хорошо закрепится, и можно будет отрезать хвостик с узелком.

Наберите 15 бисерин для уха. Введите иглолку в ближайшую бисеринку на кромке головы (над глазом) и выведите из следующей бисеринки (рисунки 2а). Фрагмент головы условно показан на схеме в развернутом виде. Наберите 2 бисерины и проденьте иглолку через бисеринки по другую сторону от уха (рисунки 2б). Нитку натяните. Снова наберите две бисерины и проденьте иглолку через бисерины кромки напротив (рисунки 2в). Выполните шаг с двумя бисеринками третий раз. Сделайте второе ухо так же, как первое.

Нитку пропустите через бисер головы к нижней кромке. По пути выведите нитку там, где должен быть носик (это заштрихованная бисеринка), и наложите бисерину-нос. Повторно пропустите иглу через заштрихованную бисеринку (позиция А на рисунке 3а). Выведите иглу из нижней кромки. Теперь приступим к туловищу. Сначала наберите пять бисеринок: две синие, розовую и две синие. Пропу-

стите иглолку за ниточкой, соединяющей бисеринки на кромке головы. Затем проденьте иглолку через две последние набранные бисеринки в обратном направлении (рисунки 3а). Для следующего шага наберите три бисеринки (розовую и две синие), иглолку пропустите за следующей ниточкой на кромке и проденьте через две последние бисеринки (рисунки 3б). Продолжайте этот ряд, набирая на каждом шаге по три синие бисеринки, цепляясь за ниточку на кромке головы и пропуская иглолку обратно через две последние бисерины. На последнем шаге наберите одну синюю бисерину, пропустите иглу через две первые бисерины ряда, за ниточкой кромки и обратно через эти же две бисерины. Проденьте иглолку и через первую розовую бисеринку (позиция Б на рисунке 3в).

Далше низайте по схемам на рисунке 4. На них изображена часть туловища зайчика. Бисеринки уже выполненного ряда раздвинуты относительно предыдущих схем, потому что туловище гораздо шире головы. На каждом шаге набирайте по три бисеринки и продевайте иглолку через бисеринку предыдущего ряда (рисунки 4а). Выполнив последний в ряду шаг, проденьте иглолку через первые две бисеринки этого ряда (рисунки 4б). Низайте следующие ряды подобным образом по схеме на рисунке 4в.

В самом последнем ряду набирайте по одной бисеринке. Закончив этот ряд, сильно натяните нитку, чтобы туловище приобрело круглую форму.

Рис. 2

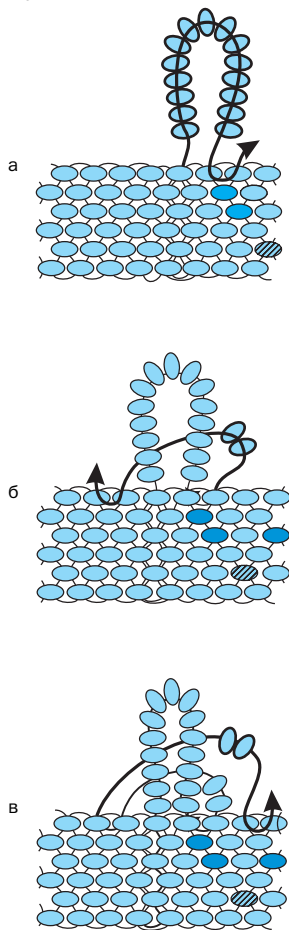
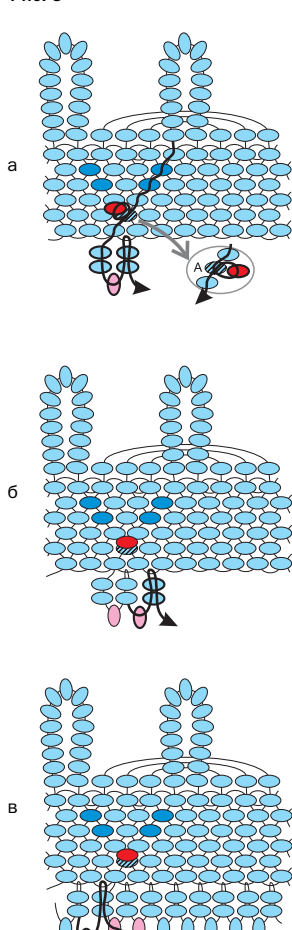

Рис. 3

Пропустите иголку по ходу низания к заштрихованной бисеринке на задней стороне туловища (позиция В на рисунке 4в). Сделайте хвостик из пяти белых бисеринок (рисунок 5). Пропустите иголку через хвостик еще один-два раза, тем самым закрепив нитку.

Сделайте заднюю лапку: наберите 5 синих и 3 белые бисеринки. Через синие бисеринки проденьте нитку в обратном направлении и натяните ее. Пропустите иголку через заштрихованную бисеринку на нижней кромке туловища (позиция Г на рисунке 4в). Повторно проденьте нитку через лапку (рисунок 6) и через бисеринку туловища, а если получится, то и третий раз. Сделайте и вторую заднюю лапку. Передние лапки выполните так же, но коро-

Рис. 4

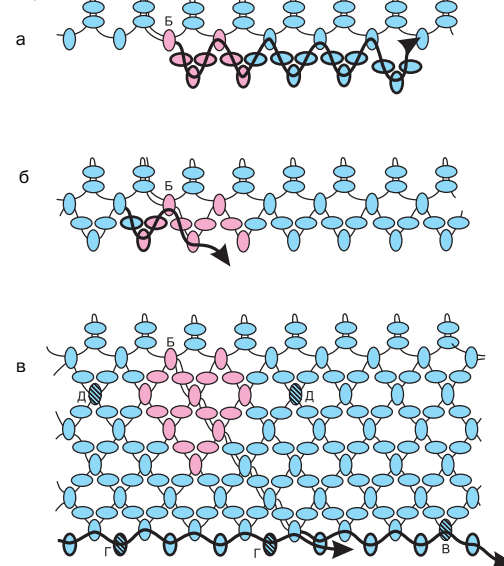

Рис. 5

Рис. 6

Рис. 7

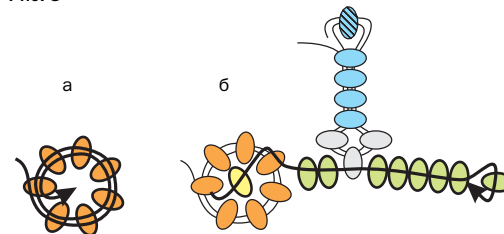

че — из четырех синих бисеринок (рисунок 7), а закрепляйте их на боках зайчика (позиции Д на рисунке 4в).

Осталось сделать цветок. Наберите на нитку 7–8 бисеринок и соберите их в кольцо. Повторно проденьте нитку через кольцо (рисунок 8а). Нанижите бисеринку-серединку и пропустите иглу через диаметрально противоположный лепесток. Наберите 2 зеленые бисеринки, проденьте иглу через крайнюю белую бисеринку на передней лапке и наберите еще 5 зеленых бисеринок (рисунок 8б). Отодвиньте последнюю бисеринку и пропустите иголку по низанию в обратном направлении: через палочку, кончик лапки и лепестки. Снова проденьте иглу через палочку, чтобы хорошо закрепить нитку. Отрежьте все хвостики ниток.

Марина Ляукина

Рис. 8

Готовим для детей

Бутерброд «Утренняя флотилия»

Хлеб, шпроты, яйцо, огурчик, зелень, майонез.

Жарим хлеб (лучше не в тостере а на сковороде), намазываем майонезом, сверху кладем яйцо (предварительно сварив и порезав на кружочки), затем — кладем шпроты, затем — огурчик (тоже порезанный), и всё. Чтобы ребенку было интереснее есть этот бутерброд, надо приклеить на зубочистку или спичку бумажку, вырезанную в форме флажка, и вставить этот флажок в бутерброд. Всё!

Вкусный рецепт рисовой каши

2 стакана молока, 1 стакан риса, половина стакана воды, соль, сахар, сливочное масло.

Рис залить водой (предварительно замочить, если взят пропаренный), поставить на огонь; когда вода выкипит, добавить молоко. В конце варки добавить соль, сахар по вкусу и сливочное масло.

Геркулесовый тироз с апельсином

На 18 кусков: 1 большой апельсин, 250 г сливочного масла, нарезанного кубиками, 250 г коричневого сахара, 175 г светлой патоки, 425 г «Геркулеса».

Разогреть духовку до 180 градусов. Смазать маслом прямоугольную форму для духовки. В кастрюле с толстым дном соединить апельсиновую цедру, порезанную тонкими полосками, масло, сахар и патоку. На очень медленном огне готовить смесь, помешивая деревянной ложкой, пока масло не растает, а сахар не растворится. Снять с огня и перемешать с «Геркулесом». Переложить смесь в подготовленную форму и разровнять поверхность лопаткой. Поставить форму в духовку и запекать 25 минут, пока пирог не станет золотистым и сухим по краям, но еще мокрым в середине. Дать пирогу остыть в форме в течение 10 минут, затем перевернуть на доску и порезать на куски.

Шоколадные кексы из кукурузных хлопьев

На 12-15 штук: 50 г сливочного масла, 100 г горького шоколада, поломанного на кусочки, 5 столовых ложек меда, 80 г кукурузных хлопьев.

Положить масло, мед и шоколад в кастрюлю. Медленно нагревать, помешивая.

Когда все перемешается, добавить кукурузные хлопья. Поставить формочки для кексов на противень. Наполнить смесью. Поставить в холодильник, чтобы кексы застыли.

Фаршированная цветная капуста

1 вилок цветной капусты среднего размера, 400 г мясного или куриного фарша, 1 луковица, соль, перец, 1 яйцо, 150 г сметаны, 100 г твердого сыра.

Капусту, не разделяя на соцветия, положить в кастрюлю с кипящей подсоленной водой. Варить около 5 минут. В фарш добавить соль, перец, измельченный лук, яйцо. Тщательно вымесить. Остывшую цветную капусту нафаршировать. Аккуратно заполнить все пустоты между соцветиями, стараясь не

нарушать целостность капусты. Капусту переложить аккуратно в посуду с крышкой, в которой будете запекать. Сверху смазать капусту сметаной. Накрыть крышкой и запекать при температуре 200 градусов около 40 минут. Снять крышку, посыпать капусту тертым сыром и запекать до полного его расплавления.

Морковно-яблочное пюре

На 1 морковь и 1 яблоко — 1 столовая ложка клюквы, 2 чайные ложки сахара.

Очищенную морковь и яблоко натереть на терке и смешать с размятой клюквой и сахаром.

Комлеты из свёклы

На 1 среднюю свеклу — 1 столовая ложка сухарей и 1 чайная ложка масла.

Свеклу очистить от кожуры, промыть и натереть на терке. Полученную массу разделить в виде котлет, обвалять в сухарях и обжарить в масле.

Творожники

На 50 г творога — 1 чайная ложка сахарного песка, 5 г цукатов и ваниль по вкусу.

Творог, приготовленный из кипяченого молока, отжать и протереть сквозь сито. Добавить сироп из 1 чайной ложки сахара (вскипятить в воде), размешать. Вложить ваниль и цукаты. Подавать на сладкое (к завтраку — с сухарями).

Овощной суп

На 1 картофелину — половина моркови, 50 г белокочанной капусты, 1 чайная ложка масла, 1 столовая ложка сметаны.

Картофель, морковь, капусту очистить, промыть, залить холодной водой (полтора стакана) и варить, пока овощи не станут мягкими. Отвар охладить, сваренные овощи протереть сквозь волосяное сито. Полученное пюре развести слитым отваром, добавить соль и еще раз вскипятить. Перед подачей к столу заправить суп маслом и сметаной.

Капустные оладьи

На 200 г капусты — половина яйца, 1 чайная ложка сухарей, 2 чайные ложки масла, 1 столовая ложка сметаны, четверть стакана молока.

Капусту очистить, промыть, нашинковать и тушить в молоке, пока она не станет мягкой. Тушеную капусту пропустить через мясорубку, посолить, смешать с сырым яйцом и сухарями и выложить ложкой в форме оладий на смазанную маслом раскаленную сковороду. К оладьям подать сметану.

Мясной или рыбный пудинг

На 50 г говядины (или курицы, или парной рыбы) — 20 г сухого батона, 1 яйцо, 1 чайная ложка масла. На 200 г картофеля для пюре — 3 столовые ложки молока и половина чайной ложки масла.

50 г мякоти мяса или рыбы нарезать кусочками, пропустить два раза через мясорубку вместе с сухим хлебом, вымоченным в молоке. Протереть эту массу сквозь волосяное сито, посолить и развести молоком до густоты кашицы, затем добавить половину сырого желтка и взбитого в пену белка, перемешать осторожно снизу вверх, чтобы не помять белка, выложить в небольшую кружку, хорошенько смазанную маслом, и посыпать просеянными сухарями. Сверху покрыть кружку промасленным кружком бумаги, опустить кружку в кастрюлю, наполненную до половины высоты кружки кипятком, накрыть кастрюлю крышкой и поставить на плиту. Через 40–50 минут пудинг вынуть и подать к столу с картофельным пюре, полив бульоном.

На месте не стоять!

Водоносы

Эти игры можно устроить и дома, и на свежем весеннем воздухе.

Участвуют двое. На стуле стоит миска с водой. В нескольких шагах стоят еще два стула, на каждом — пустой стакан. Кто первым заполнит, пользуясь столовой ложкой, свой стакан, тот и победил.

Достань яблоко

Для игры нужен большой таз с водой. В него опускают несколько яблок, а играющие (количество их может быть любым) по очереди встают перед тазом на колени, держа руки за спиной, и пытаются зубами достать яблоко из воды.

Схвати игрушку

Играющий встает перед стулом, на котором лежит какая-нибудь игрушка, поворачивается и отходит на семь-восемь шагов. Ему завязывают глаза, предлагают повернуться вокруг себя один-два раза, вернуться к стулу и опустить руку на игрушку. Это не так-то просто! Выполнившему задание положен приз.

Зайцы и морковка

Отмечают на полу или на земле круг диаметром восемь-десять шагов. В кругу (это «огород»!) лежат морковки. Выбирают огородное «пугало», которое будет ловить зайцев. По сигналу ведущего зайцы могут вбегать в круг и утаскивать морковь, а «пугало» их ловит. Пойманный заяц выбывает из игры. Зайцев можно ловить только тогда, когда они заберутся в огород.

Колпак на колпаке

Для игры склеивают из бумаги один большой колпак и несколько маленьких — желательно разноцветных. Маленькие колпаки подвешивают на нити. Играющие по очереди надевают большой колпак. С завязанными глазами надо три раза повернуться вокруг себя, присесть и, выпрямившись, попасть большим колпаком в маленький.

Кошки-мышки

По кругу ставятся стулья (сколько играющих, столько и стульев). Сиденья смотрят внутрь круга. Половина играющих садятся на стулья (это мышки), остальные встают сзади (это кошки).

Одной кошке мышки не хватает, и она стоит за пустым стулом. Эта кошка подмигивает какой-нибудь мышке. Задача мышки — перебежать на пустой стул к подмигнувшему. Задача кошки, стоящей позади нее, — задержать ее (руками). Если не задержала — сама подмигивает другой мышке. Через какое-то время мышки и кошки меняются ролями.

Кто задел?

Одному играющему завязывают глаза и поворачивают спиной к остальным. Кто-нибудь легонько задевает его рукой. Надо отгадать, кто. Если водящий отгадал, то задевавшему завязывают глаза. Угадывающий становится на место водящего.

Море волнуется

В игре может принимать участие любое число игроков. Ведущий отворачивается от всех и произносит: «Море волнуется раз, море волнуется два, море волнуется три, морская фигура на месте замри!» В этот момент все должны замереть в той позе, в которой оказались. Кто первый пошевелится, тот становится на место ведущего.

Надень колпак

Бумажный колпак, прикрепленный к длинной палке, надо надеть на голову кого-нибудь из тех, кто играет вместе с тобой. Участники игры стараются как можно быстрее «околпачить» друг друга.

Найди место

Ставят стулья (в ряд или по кругу). Водящий берет трость или палку и начинает обходить сидящих на них. Если около кого-то он постучит тростью о пол, этот играющий должен встать со стула и пойти за ним следом. Так водящий ходит вокруг стульев, стучит по полу, и вот за ним уже следует целая свита. Водящий ходит кругами, змейкой. Неожиданно для всех водящий стучит по полу дважды. Это сигнал к тому, чтобы все немедленно заняли

места на стульях. Сам водящий старается занять место одним из первых. Теперь водит тот, кому не досталось места.

Откуси яблоко

Яблоко за черенок подвязывают к нити. Игроки по одному подходят к яблоку и пробуют надкусить его, держа руки за спиной. Сделать это трудно.

Проворная голова

Участникам конкурса выдаются колпаки, на концах которых укреплены иглы. Этими иглами надо постараться проткнуть как можно больше воздушных шариков, чтобы они лопнули.

Раздави шарик соперника

К правой ноге каждого игрока привязан воздушный шарик. А свободная правая нога — для того, чтобы давить шарики других.

Слушай счёт

Двое игроков стоят друг против друга. Перед ними на стуле лежит приз. Ведущий считает: раз, два, три... ста; раз, два, три... надцать; раз, два, три... двадцать и т. д. Но просто «три» он что-то никак не скажет. Но рано или поздно число «три» он все-таки назовет. Кто окажется внимательней и услышит это? Приз — его.

Узнай меня

Чем больше играющих, тем лучше. Водящему завязывают глаза, он становится в центр круга. Ведущий игру хлопает в ладоши, и по этому сигналу играющие начинают двигаться по кругу. Повторный хлопок останавливает движение. Теперь водящий должен указать на кого-то из игроков и попытаться его узнать. Он имеет право дотронуться до игрока, а если не может угадать, попросить его изобразить какое-нибудь животное — промяукать, пропищать, пролаять, прокукарекать... Если опять не узнает — водит вторично.

Фото
Владимира
Воронова

панорама

Ученым удалось обнаружить женщину, которая в принципе не испытывает страха в различных угрожающих

ситуациях. В детстве она испытывала страх и знает, что некоторые ситуации должны быть пугающими. Однако в зрелом возрасте она несколько раз попадала в такие ситуации — ей угрожали ножом и держали на прицеле пистолета, но страха она не почувствовала. Исследователи изучали реакции женщины на ситуации, в которых большинство людей испытывает страх. Ей демонстрировали фильмы ужасов, отправляли в известную своим особым эмоциональным воздействием «комнату ужасов», а в магазине экзотических животных попросили подержать в руках опасных змей; сама она вызвалась взять в руки тарангула. Женщина не проявила признаков страха ни в одной из этих ситуаций, а в просьбе подержать тарангула ей даже пришлось отказать: риск того, что ядовитый паук ее укусит, был слишком велик. Когда ей задали вопрос, почему она готова подержать в руках заведомо опасное, она ответила, что ей движет любопытство. По словам руководителя группы исследователей, «из-за отсутствия одного из отделов мозга, миндалевидного тела, она потеряла способность оценивать грозящие ей опасности, а значит, и избегать их... Удивительно, что она вообще еще жива».

Результаты исследования представляют огромный интерес, так как указывают на то, что миндалевидное тело является «нервным источником» тревожности — и отвечает за возникновение именно страха, а не эмоций в целом. Ученые надеются, что дальнейшие эксперименты помогут понять механизм возникновения страха и обработки этих нервных импульсов

мозгом. Это может оказаться чрезвычайно полезным при лечении пациентов, страдающих от посттравматических стрессов, — например, военнослужащих, служивших в горячих точ-

ках. Их жизнь отравлена страхом, иногда они не могут даже покинуть дом из-за постоянного, гнетущего чувства опасности. Исследователи надеются, что им удастся разработать препараты, воздействующие на миндалевидное тело таким образом, чтобы притушить чувство страха и не дать ему брать верх над сознанием.

Знаменитый бразильский архитектор Оскар Нимейер отметил свой 103-й день рождения, открыв музей своих собственных работ в пригороде Рио-де-Жанейро. В здании Фонда Оскара Нимейера, построенном по его собственному проекту в городе Нитерой, представлены проекты, наброски и макеты, созданные архитектором за более чем 70 лет работы. «Меня пришлось навестить мои друзья, и это так приятно», — сказал архитектор на церемонии открытия центра.

По проекту Нимейера построена штаб-квартиры ООН в Нью-Йорке, а также более 600 других зданий по всему миру. Одной из главных работ архитектора считается новая столица Бразилии, построенная в конце 1950-х годов. Футуристический облик нового города Бразилиа явился своеобразным заявлением о будущих устремлениях страны и стал иконой современной архитектуры. (На снимке: кафедральный собор, Национальный музей и Национальная библиотека в Бразилиа.)

Ученик Ле Корбюзье, Нимейер выработал свой отчетливый стиль, соединив строгость бетона с плавным

движением кривых линий. Когда-то он сказал, что вдохновением ему служили фигуры бразильских женщин. В последние годы у архитектора были проблемы со здоровьем, однако он

стремится продолжать работу. Параллельно с церемонией в Нитерое другой Культурный центр Оскара Нимейера, построенный по его проекту, был открыт в городке Авилес на севере Испании. Власти Авилеса надеются, что Нимейеровский центр сыграет такую же положительную роль, какую в свое время сыграло открытие Музея Гуттенхайма в Бильбао, превратив этот депрессивный промышленный город в культурный центр.

Отец науки об египетских пирамидах Массимо Паллоттино после очередной своей лекции понял, что любителей тайн и загадок невозможно разубедить: это настоящая вера! То же самое можно сказать и о «загадке» пирамид, настоящей тайне Египта, которая, как проклятие, преследует всех, кто так или иначе занимается древней историей. Не проходит конференции или беседы, на которой, узнав о присутствии «археолога», кто-нибудь не вспомнит о загадочных сведениях, сокрытых в структуре пирамид, о так и не найденной праматери всех цивилизаций, об инопланетянах-просветителях и о

панорама

другой подобной чепухе, которую с такой готовностью преподносит телевидение публике, только и ждущей, чтобы попасть в сети тайны, которая, естественно, не будет раскрыта по

включая и дату конца света: он наступит в 1881 году!

Как известно, мир все еще существует. «Все подобные истории вызывают смех, хотя они очень похожи на

исчезновение Человека алтайского? Специалисты сходятся во мнении, что в этом так или иначе замешаны наши предки, поскольку практически все ветви потомков Человека прямоходя-

те, в которых нам рассказывают о бесконечных астральных линиях или о неблагоприятных днях календаря. Как защититься от тайн и загадок? Очень просто: читая серьезные книги, можно узнать, что реальные вещи намного интереснее, чем лже-тайны.

Ученые уверяют, что древний Человек алтайский, останки которого были найдены в Денисовой пещере на Алтае в 2008 году, сосуществовал и спаривался с прямыми предками современного человека. Вид, названный учеными Человек алтайский, или Человек денисовский, населял планету около 40 тысяч лет назад, и его ареалы обитания частично пересекались с средой обитания неандертальцев и современных людей. Результаты анализа ДНК этого существа указали на отдаленное его родство с неандертальцами и еще более отдаленную родственную связь с Гомо сапиенс.

Эти научные изыскания добавляют аргументы в пользу гипотезы, согласно которой сосуществовали как минимум четыре разновидности человека. Помимо Гомо сапиенс, населяющих планету сейчас, это неандертальцы, карликовые гоминины (известные также под названием «хоббиты») с индонезийского острова Флорес и вот теперь Человек денисовский.

Ранее специалисты уже находили косвенные доказательства того, что одновременно с предками Человека разумного Евразию населяли его дальние родственники, однако теперь появились твердые основания утверждать это. Но чем было вызвано полное

исчезновение Человека алтайского? Только в последние пару десятков тысяч лет мы остались одни, без близких сородичей.

Для многих владельцев домашних животных не секрет, что их питомцы помогают поднять настроение и снять стресс. Еще во время Второй мировой войны это было взято на вооружение американскими госпитальными для облегчения страданий раненых солдат. Со временем кролики, кошки, собаки и ящерицы стали все чаще применяться в качестве инструментов «живой терапии» для тяжелобольных пациентов. На сегодняшний день в США разработаны десятки методов с использованием лошадей и собак.

Последние 10 лет все больше колледжей США уделяют внимание психическому здоровью своих студентов. Помимо ныне стандартных для каждого высшего учебного заведения офисов психологической помощи для учащихся и «горячих» линий, некоторые из вузов США предлагают вечерние классы йоги, кислородные бары и даже костюмированных «фей пиццы», развозящих бесплатную еду. Собаки — последнее достижение университетской администрации Тафтса.

«В комнату набилось человек сто, — рассказал организатор терапевтической сессии. — Некоторые из студентов всю сессию провели, обнимая и гладя животных, другие, просто фотографировали собак, отошли в сторонку и остались разговаривать с друзьями. Но все разошлись более радостными... Есть что-то в собаках такое — их заразительное состояние радости. Наши студенты могут зарядиться от них, приобщившись к этой энергии».

простой причине: это лже-тайна.

Характерными чертами таких любителей невероятного являются редкое чтение книг, написанных специалистами, уверенность в существовании заговора «официальной науки» с целью сокрытия вещей, которые могли бы изменить мир, и уверенность в том, что достижения цивилизации являются заслугой неких добрых пришельцев: наши предки не были способны создать такие внушительные сооружения, как пирамиды.

Отцом-основателем псевдонауки, получившей название «пирамидология», считают англичанина Джона Тейлора, который в 1859 году написал книгу «Великие пирамиды». Он утверждал, что пирамиды были созданы по велению самого Господа, который заключил в их структуре все тайны Вселенной. Шотландский астроном Чарльз Пяцци Смит путем известных и понятных только ему расчетов и придуманной им величины «пирамидальный дюйм» получил размеры экваториального диаметра Земли, расстояние от нашей планеты до Солнца. Он также заявлял, что в пирамидах зашифрованы даты Исхода, рождения Иисуса и другие библейские события,

Иван Хруцкий

1810. В Витебской губернии, в семье польского униатского приходского священника родился сын, крещенный Иваном. Мальчик казался неглупым, любил рисовать. Отец отвез его в Полоцк и определил в Полоцкое высшее пиарское училище (учебное заведение католического ордена пиаров), где можно было получить очень хорошее образование. В это время у отца начинаются неприятности: он выступил против объединения униатской и православной церкви, ему запретили служить, отправили в монастырь; через некоторое время вернули.

1827. Иван в Санкт-Петербурге. По семейной легенде, юношу взял в ученики художник Джордж Доу (знаменитый английский портретист был приглашен в Петербург, чтобы написать портретную галерею участников войны 1812 года). Скорее всего Иван был учеником-подмастерьем, каких у Доу (при масштабности его работы) было немало.

1830. Поступает «вольноприходящим» учеником в Императорскую Академию художеств. Его привлек класс «цветочный с фруктами и насекомыми». Класс этот был создан благодаря тому успеху у публики, каким пользовался жанр голландских натюрмортов, изображающих цветы и плоды. В это время в Академии преподавали Александр Варнек, Карл Брюллов, Федор Бруни. Все они прославились созданием больших исторических картин или картин на мифологические темы. Именно в эти годы Брюллов работал над полотном «Последний день Помпеи», которое он вскоре выставил; Бруни заканчивал колоссальную композицию «Медный змий», Александр Иванов писал «Явление Христа народу». Увлечение сложной драматургией, действием, в которое вовлечены массы народа, вселенскими масштабами действия — это было характерно для живописи тех лет. Но в то же время пользовалось успехом скромное искусство Тропинина; в уединенной глуши Тверской губернии Венецианов создает серию своих крестьянских портретов и поэтических пейзажей; Федор Толстой с великим тщанием трудится над своими изумительными миниатюрами. «Вольноприходящий» Иван Хруцкий аккуратно посещает занятия, пишет с гипсов, а в свободное время ходит в Эрмитаж, копируя роскошные натюрморты Снайдерса, «Завтраки» Виллема Класа Хеды, охотничьи трофеи Матеуса Блума. Он старательно передает иллюзорность формы и материала, рефлексы цвета и света. Пропуск в Эрмитаж ему выхлопотал один из земляков, уже окончивших Академию.

1836. Пишет для заработков небольшие натюрморты с изображением цветов и плодов. Они пользуются популярностью. Возникает мода на такие натюрморты. Хруцкий стал выбирать полотна, большие размером, и это оказалось удачей. Создает «Цветы и плоды». Получает за этот натюрморт Большую серебряную медаль Академии художеств и звание «неклассного» (свободного) живописца. Через пятьдесят лет Павел Третьяков приобретет это полотно для своей галереи, оно станет одним из ее шедевров. Фрагмент этого натюрморта изображен на тысячной купюре Республики Беларусь.

1838. Создает «Портрет неизвестной с цветами и фруктами» (**репродукция**). Художник был удостоен Золотой медали Академии. Сравнивая красоту

женщины и красоту цветов, любовно им выписанных, он погружает зрителя в созерцание прекрасного. Предполагают, что художник изобразил свою жену.

1839. Отец лишается прихода: униатская церковь была запрещена. Отец болеет и умирает. Художник забирает к себе младших братьев; сестры и мать устраиваются у родственников. Возможность поехать пансионером Академии в Италию отпадает. Пишет «Натюрморт с биноклем». Известно восемь вариантов этого натюрморта. Даже педагоги Хруцкого склонялись к тому, что «писано не хуже, чем у голландцев». Получает звание Академика живописи «за отличные труды в портретной, пейзажной и особенно живописи плодов и овощей». Звание дает ему право на потомственное дворянство.

1844. В Полоцком уезде приобретает имение Захарничи. По семейной легенде, имение было родовым. Дом строит на берегу озера по собственному проекту, сам наблюдает за работами. Не проходит и нескольких лет, как дом наполняется детскими голосами. Хруцкий не становится помещиком в полном смысле этого слова. Его основное занятие — художество. Примером ему был Венецианов. По образцу Венецианова он пишет интерьеры своего скромного дома. Анфилада комнат заканчивается окном или балконом в сад. Полы настланы из струганых досок, на стенах — картины. Если внимательно приглядеться, можно понять, что это эскизы или копии картин учителей художника — Брюллова, Бруни и романтические пейзажи. На диване, покрытом красивым ковром, сидят музицирующие дети (они играют на гитаре). Ощущение уюта и идиллического благополучия. Не все знают, что идиллия покупалась ценой непрерывной работы.

1840–1850. По заказу литовского митрополита Иосифа Семашко он пишет его портрет, портрет духовника митрополита и многих из окружения Семашко. Для этого ему пришлось перебраться в Вильно. Живет на два дома. Религиозные настроения определяют тему картины «По святым местам».

Пишет, по-видимому по заказу, «Амуры с гирляндами» — вольную копию с картины «Статуя Цереры», созданную Рубенсом в соавторстве со Снейдерсом.

Картины, написанные художником в последние годы жизни, неизвестны. Возможно, не было заказов. Хруцкий целиком посвятил себя семье и хозяйству. Перед смертью он написал автопортрет в двух вариантах: один для сына, другой для дочери. Талант его не угас, он оставался большим мастером.

1885. Иван Хруцкий умирает в своем имении. Оно сгорело в 20-х годах XX века. Могила художника утрачена.

Хруцкий работал в скромном жанре натюрморта. И оказался отодвинутым другими мастерами; его путь проходил в стороне от магистральной дороги русского искусства XIX века. До последнего времени представлялось, что его творчество интересно только специалистам. Юбилейная выставка в Третьяковской галерее, посвященная его 200-летию, показала, что интерес к его искусству возрождается. «Тихая жизнь» его полотен притягивает поэзией, преклонением перед красотой, тонким мастерством.

Л. Осипова

Икона «Богоматерь Умиление Владимирская». Из Успенского собора во Владимире. Конец XIV — начало XV века.

Икона «Богоматерь Умиление Владимирская». Из Успенского собора Московского Кремля. Первая треть XV века (1410-е).

Икона «Богоматерь Умиление Владимирская». Из Благовещенского собора Московского Кремля. Конец XIV — начало XV века.

О выставке
Андрея
Рублева
читайте
на страни-
цах 22–25

